

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№1 (5) 2013

Археология / Archaeology

ISSN 2304-7488

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ Н.В. ЛЕОНТЬЕВА

От редколлегии.....3

Вадецкая Э.Б.

Николай Владимирович Леонтьев
(глазами коллеги и друга).....7

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Дэвлет М.А.

Утес над Енисеем. К юбилею
Николая Владимировича Леонтьева.....17

Кожин П.М.

Древнейший портрет на Енисее.....28

Заика А.Л.

Сердцевидные личины
в петроглифах Южной Сибири.....35

Мургабаев С.С.

Проблемы хронологии
и культурных связей ранних
петроглифов Каратау.....52

Есин Ю.Н.

Петроглифы «Шаман-камня»
(гора Оглахты, Хакасия).....66

Мухарева А.Н., Советова О.С.

Об одном любопытном сюжете
на скалах Минусинской котловины.....82

Ковалева О.В.

Рисунки на плитах
и стелах кургана Барсучий лог.....91

Савинов Д.Г.

«Обряды перехода» на курганных
плитах Среднего Енисея.....112

Русакова И.Д.

Петроглифы западной части
Боярского хребта в Хакасии.....120

Панкова С.В.

Изображения на курганных плитах
у д. Подкамень на севере Хакасии.....125

Король Г.Г.

Фантастические птицы в декоре
средневекового художественного
металла Саяно-Алтая.....159

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К.

Новые возможности документирования
наскальных изображений, выполненных
краской (на примере Кавказской
писаницы в Минусинской котловине)....176

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Зубков В.С.

Стоянка Куйбышево I
на реке Джебаш.....192

Амзараков П.Б.

Предварительные итоги
археологических раскопок
памятников Усть-Ката-1
и Усть-Ката-2 в зоне затопления
водохранилища Богучанской ГЭС.....200

Степанова Н.Ф.

Особенности локальных
вариантов афанасьевской
культурно-исторической общности.....206

Грушин С.П., Шайхутдинов В.М.

К вопросу о металлургии
населения елунинской культуры
Обь-Иртышья.....214

Наглер А.

Погребальные сооружения
раннего железного века
степей Евразии.....222

Мураками Я.

Реконструкция печи для выплавки
железа таптыкской культуры.....233

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....238

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....239

CONTENTS

TO THE 75th ANNIVERSARY OF N.V. LEONTYEV

From the Editorial Board.....3

Vadetskaya E.B.

Nickolay Vladimirovich Leontyev
(through a colleague and a friend's eyes).....7

ANCIENT ART

Devlet M.A.

The rock over the Yenisei river.
To Nickolay Vladimirovich
Leontyev's jubilee.....17

Kozhin P.M.

The oldest portrait on the Yenisei.....28

Zaika A.L.

Heart-shaped face-masks in petroglyphs
of South Siberia.....35

Murgabayev S.

Problems of chronology and cultural
relations of the Karatau early petroglyphs.....52

Esin Yu.N.

Petroglyphs of "Shaman-stone"
(the mountain Oglakhty, Khakassia).....66

Mukhareva A.N., Sovetova O.S.

About one interesting subject
on the rocks of the Minusinsk basin.....82

Kovaleva O.V.

Drawings on the flagstones and stelae
of kurgan Barsuchy log.....91

Savinov D.G.

"Transition rites" on kurgan stone slabs
of the Middle Yenisei.....112

Rusakova I.D.

Petroglyphs in the Western part
of Boyary chain in Khakassia.....120

Pankova S.V.

Petroglyphs on kurgan flagstones
of burial mound Podkamen
in Northern Khakassia.....125

Korol G.G.

Fantastic birds in décor of the
Sayan-Altai medieval art metal.....159

Miklashevich E.A., Solodeynikov A.K.

New possibilities for documenting
painted rock art images
(by the example of Kavkazskaya
rock art site in the Minusinsk basin).....176

MATERIAL CULTURE, FUNERARY RITES AND HOUSEHOLD TRADITIONS

Zubkov V.S.

Site Kuibyshevo I
on the river Dzhebash.....192

Amzarakov P.B.

Preliminary results of archaeological
excavations of Ust-Kata-1
and Ust-Kata-2 in flowage area
of the Boguchany dam reservoir.....200

Stepanova N.F.

Features of local variants
of the Afanasev cultural
and historical community.....206

Grushin S.P., Shaykhutdinov V.M.

To the metallurgic question
of the population of Elunino
culture in Ob-Irtysh region.....214

Nagler A.

Funeral construction of the Early
Iron Age of Eurasian steppes.....222

Murakami Ya.

Reconstruction of iron smelting
furnace in the Tashtyk culture.....233

INFORMATION ABOUT THE

AUTHORS.....238

LIST OF ABBREVIATIONS.....239

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КУРГАННЫХ ПЛИТАХ У Д. ПОДКАМЕНЬ НА СЕВЕРЕ ХАКАСИИ

С.В. Панкова

УДК 903.27

В статье публикуются изображения на плитах оград могильника тагарской культуры у д. Подкамень, исследованные автором в 2003 г. Значительная часть из них представлена гравировками, в том числе изображениями особых человеческих фигур в длинных одеждах и высоких головных уборах. Такие фигуры известны с конца XIX в., но до сих пор представляют загадку, хотя найдены уже на нескольких памятниках Северной Хакасии. Рассмотрена история их изучения, обоснована принадлежность к таштыкской изобразительной традиции. Проанализирован костюм и атрибуты, для которых отмечены аналогии в памятниках Китая и Синьцзяна. Показанные фигуры предположительно могут рассматриваться как изображения выходцев из дальних от Сибири областей, носителей чуждых традиций или их потомков, связанных с торговой и миссионерской деятельностью в северной части Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Минусинская котловина, таштыкская культура, петроглифы, гравировки, костюм

Резные изображения на плитах курганных оград у с. Подкамень стали известны с начала 1930-х годов, когда они были опубликованы Я. Аппельгрэн-Кивало в числе других материалов, собранных экспедицией И.Р. Аспелина в Минусинском крае, Туве и Монголии в 80-х гг. XIX в. В этом издании впервые в сибирской археологии были представлены достоверные копии древних изображений, зарисовки каменных конструкций, точные географические привязки этих памятников. Таким образом, гравировки на каменных плитах у д. Подкамень оказались в числе первых научно исследованных памятников, впоследствии атрибутированных как таштыкские. Обнаруженные здесь изображения странных человеческих фигур в длиннополых одеяниях, резко выделявшихся среди других известных минусинских гравировок, создали интригу, в разгадку которой едва ли удалось преуспеть за неполное столетие, прошедшее со времен их публикации.

Основной задачей финской экспедиции, работавшей в минусинских степях в 1887 и 1889 гг., были поиск и копирование древних надписей, известных по исследованиям М.А. Кастрена, В.В. Радлова и Й. Грано, в которых предполагали прообразы скандинавской руники. В 1887 г. маршрут экспедиции пролегал через улус Подкамень. Во время поиска надписей были обнаружены резные рисунки на вертикальных плитах, ограждавших древние захоронения. В 10 верстах от улуса, на скальных обнажениях горы Арга, И.Р. Аспелин

обследовал писаницу, впоследствии названную А.В. Адриановым Ошкольской [Адрианов, 1910, с. 43]. Сотрудники экспедиции И.Р. Аспелина стремились к максимально точной фиксации рисунков, а применяемая ими техника эстампажа на влажной бумаге позволила создать корпус рисунков, ставший ценнейшим источником по древним изображениям Среднего Енисея. Однако эти копии могли еще долго храниться в Архиве Фин-

Рис. 1. Карта района могильника у д. Подкамень

ского общества древностей, если бы не их публикация в 1931 г. участником первого «путешествия» Я. Аппельгреном-Кивало [Appelgren-Kivalo, 1931]. Помимо иллюстраций книга включает путевые заметки И.Р. Аспелина и развернутые комментарии к ним Я. Аппельгрена-Кивало, позволяющие судить и о перипетиях путешествий, и о впечатлениях авторов о Сибири, ее жителях и исследуемых памятниках. Впрочем, задолго до этого издания И.Р. Аспелин опубликовал отдельные, приблизительные прорисовки подкаменных гравировок [Aspelin, 1890].

Изображения на плитах у д. Подкамень были открыты в 1887 г. благодаря пастуху, который показал И.Р. Аспелину могильный камень с рисунками быков, лошадей и лучников, поблизости от которого были обнаружены еще два камня с резными изображениями. Тогда трудоемкие прорисовки не были сделаны за недостатком времени, а снять эстампы помешало отсутствие воды, за которой нужно было посылать из степи [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8]. Зато в 1889 г., во время третьего «путешествия», рисунки были сфотографированы и с них сделаны оттиски [Там же, s.42]. Опубликованные прорисовки очень точны, хотя и отражают лишь основные, глубоко прорезанные фигуры без окружающих их тонких гравировок. Особый интерес финских исследователей вызвали резные человеческие фигуры в длиннополых одеяниях, непохожие на пеших и конных лучников, известных в памятниках этого края.

Летом 1908 г. недалеко от улуса Подкамень побывал А.В. Адрианов, изучавший гравировки Ошкольской писаницы, расположенной в 10 км к западу от могильника. Однако рисунки на курганных плитах в районе Подкамня остались ему, видимо, неизвестны [Адрианов, 1910, с. 44, 46].

В 1959 г. во время обширной археологической разведки в районе д. Подкамень работала Хакасская археологическая экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова. В числе обнаруженных тогда таштыкских памятников Л.Р. Кызласов упоминает «замечательные таштыкские писаницы на скалах (гора Хызыл-Хая) и курганных камнях у улуса Подкамень, лишь в небольшой своей части известные науке по материалам И.Р. Аспелина, полностью нами эстампированные и сфотографированные» [Кызласов, 1963, с. 159]. Одна из плит с гравировками, ранее опубликованными Я. Аппельгреном-Кивало, была вывезена с могильника и позднее передана

в Государственный Эрмитаж. К сожалению, зафиксированные тогда изображения так и не были опубликованы.

В 2001 г. Июсская экспедиция СО РАН под руководством В.Е. Ларичева исследовала скалистые обнажения Барбаковых гор, протянувшихся вдоль русла Черного Июса к северо-востоку от д. Подкамень. Здесь и у подножия скальной гряды Хызыл-Хая в непосредственной близости от могильника были обнаружены две неизвестные ранее сцены с резными фигурами в длиннополых одеяниях [Рыбаков, 2005, рис. 3]. В 2009 г. Н.И. Рыбаков опубликовал резную композицию из фигур в длиннополых одеяниях, обнаруженную им где-то на южных склонах хребта Арга, в десятке километров от Ошкольской степи, и названную им Чульской писаницей [Рыбаков, 2009, рис. 1–2].

Вблизи д. Подкамень, на нижнем ярусе Кызыл хая (в написании авторов), участники экспедиции М.Л. Подольского, исследовавшей одноименную крепость, обнаружили таштыкскую резную композицию [Кириллова, Подольский, 2006, с. 143, рис. 1; 13].

В 2002 г. петроглифический отряд Тувинской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством автора занимался копированием гравировок Ошкольской писаницы [Панкова, 2012], а в 2003 г. обследовал плиты могильного поля у д. Подкамень. Тогда был снят план памятника, обнаружена и скопирована серия изображений [Панкова, 2004; Панкова, Архипов, 2004].¹ Свою основную задачу автор видит в публикации памятника, сведения о котором ранее были фрагментарны, а также в рассмотрении наиболее характерных и многочисленных из его изображений – человеческих фигур в длиннополых одеяниях.

Описание памятника

Памятник находится на севере степной части Хакасии, вблизи таежных предгорий Кузнецкого Алатау, на самом юге Орджоникидзево-го района Республики Хакасия (рис. 1). Могильное поле расположено в межгорной долине в 2,5–5 км к востоку от д. Подкамень и включает око-

¹ В 2004 г. были обследованы и соседние лога на предмет других гравировок на плитах находящихся здесь курганов. Из таштыкских изображений, однако, было выявлено только одно на территории заповедника Чазы [Панкова, 2005, ил. 7].

ло 50 курганов сарагашенского этапа тагарской культуры (рис. 2). Курганы представляют собой невысокие прямоугольные всхолмления в оградах из вертикальных плит с угловыми и простеночными камнями. Размеры оград от 6 x 7 м до 26 x 30 м, высота камней до 1,5 м. Курганы расположены неравномерно: 10 крупных одиночных оград свободно размещаются на площади 2 x 1,5 км в западной и южной частях могильного поля; остальные курганы, в основном небольшого размера, плотно группируются в его северо-восточной части. Могильник расположен на пашне, поэтому часть небольших курганов могла быть запахана. Отдельные небольшие ограды располагаются к югу от основной части могильника. Здесь же находится таштыкский склеп, а на возвышенности в 700 м к востоку от него – ряд вертикально вкопанных плит и стел – видимо, поминальник. К северу от могильника, у подножия горы Хызыл-Хая, расположена еще одна небольшая группа тагарских курганов, обозначенная как Подкамень II.

Нумерация курганов дается с запада на восток, сначала – крупные одиночные ограды, затем – небольшие. Склеп и поминальный ряд не включены в общую нумерацию. Тагарские курганы ориентированы углами по сторонам света с небольшими отклонениями. Простеночные и угловые камни обращены узкими гранями к СВ и ЮЗ. Большая часть зафиксированных изображений располагается на южных или юго-восточных сторонах камней – на широких боковых (6) или гладких торцевых гранях (2), внешних по отношению к центру кургана.

Нами обнаружено 7 раннесредневековых гравировок на пяти курганах могильника. На плите одной из оград зафиксировано выбитое изображение раннескифского времени. Для одного из камней поминального ряда использована стела с личиной окуневского типа. На другом камне поминальника имеются резные рисунки, исполненные, видимо, в период позднего средневековья – нового времени. Кроме того, на плитах оград встречены выбитые тамгообразные знаки,

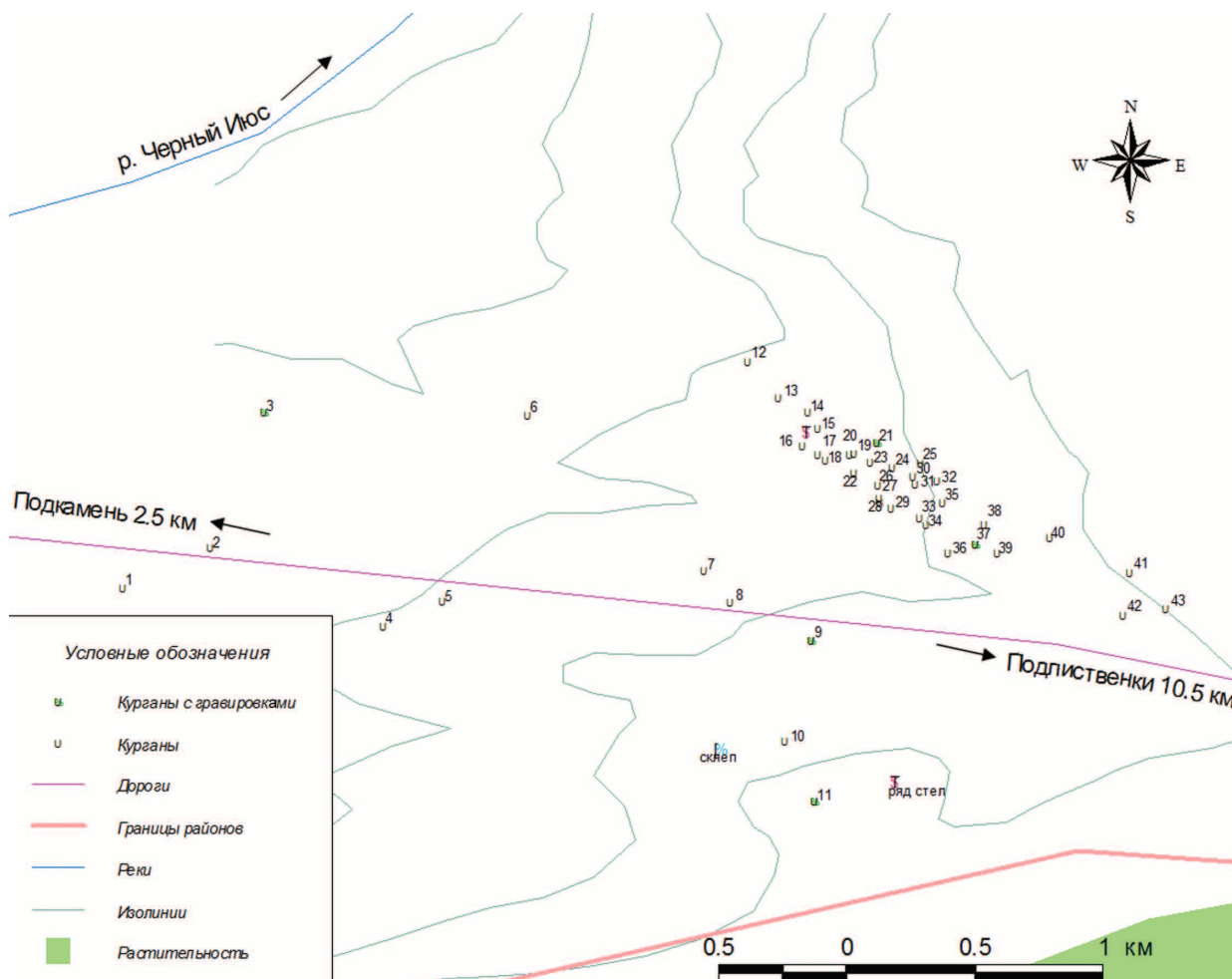

Рис. 2. План могильника у д. Подкамень

главным образом в виде вертикально перечеркнутого кольца.

Здесь дается краткое описание только тех курганов, на плитах которых зафиксированы изображения. При указании размеров плит и фигур сначала дается ширина, затем – высота.

Курган 9 – крупный одиночный курган в центральной части могильного поля (рис. 3). Размер 26 х 25 м, высота около 2 м. На каждой стороне ограды по 4 простеночные/угловые плиты (рис. 4). На двух плитах кургана зафиксированы изображения.

На **плите 1** северо-восточной стороны ограды находятся резные изображения. Они распо-

ложены на юго-восточной стороне камня, в его нижней правой части, на участке 0,6 х 0,26 м, ограниченном старыми сколами поверхности (рис. 5). В центре плоскости имеется крупная выщербина диаметром 4,5 см, уничтожившая часть гравировок. Большая часть тонких линий не складывается в изображение, однако фрагментарно выявляются верхние части двух человеческих фигур и фигура животного (рис. 5, 1).

Рис. 3. Могильник Подкамень. Курган 9. Вид с юго-востока

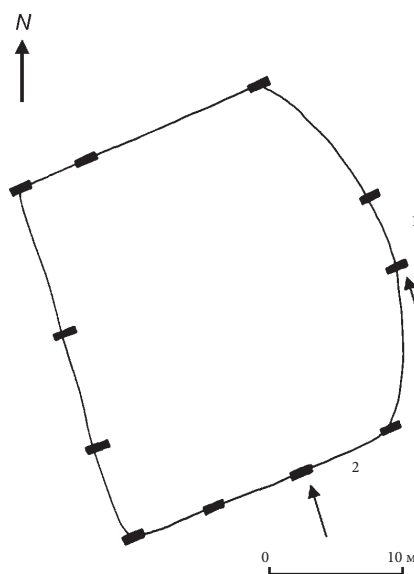

Рис. 4. Могильник Подкамень. План ограды кургана 9

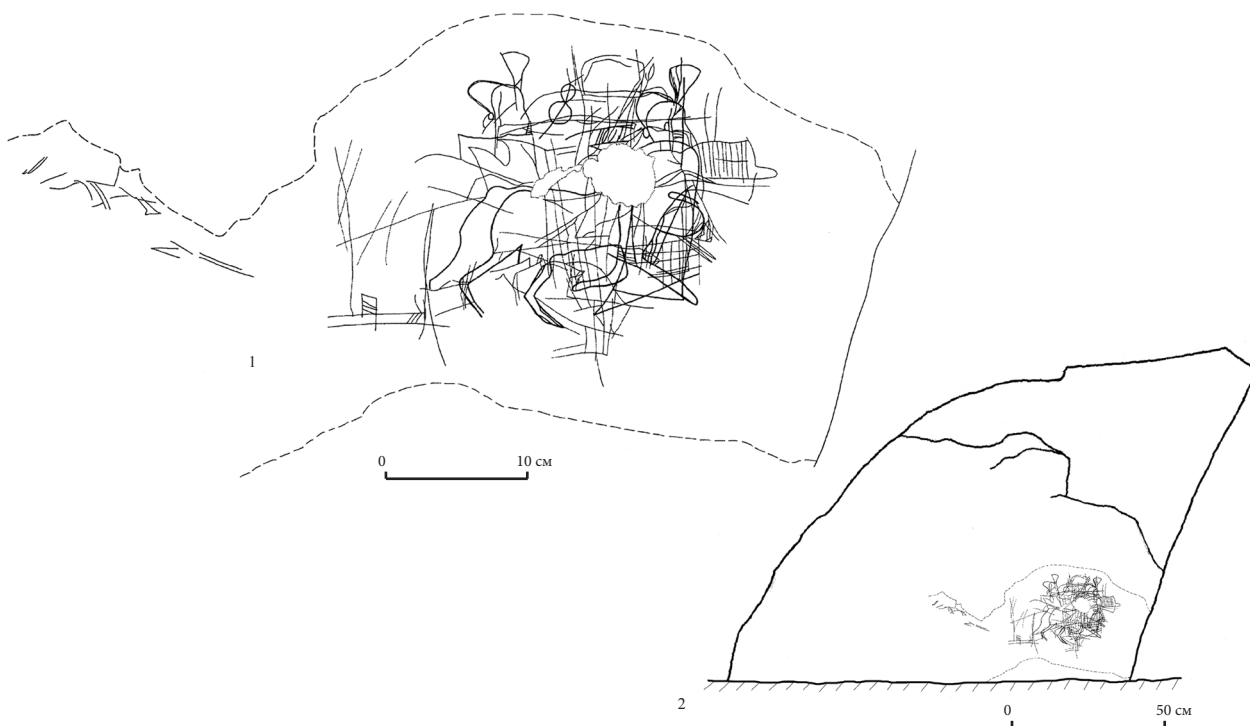

Рис. 5. Могильник Подкамень. Курган 9. Плита с гравировками

Человеческие фигуры обращены вправо, головы повернуты в профиль. На темени обеих фигур показаны высокие головные уборы, узкие снизу и расширяющиеся кверху, с уплощенно-закругленной верхней частью (рис. 6). На затылке каждой фигуры имеются крутые дуги, внизу переходящие в небольшие округлые детали (особенности прически или головного убора?). Перед лицом первой фигуры изображен отходящий от плеча предмет в виде стержня с размещенными на нем двумя окружностями. Если у первой фигуры читается только голова, то вторая сохранилась более полно: можно увидеть ее плечи, переходящие в длинное одеяние со множеством пересекающихся линий. Влево от головы человека (в сторону второй фигуры) отходят горизонтальные линии, пересеченные косыми полосами. Справа – неясное изображение прямоугольных очертаний. Задняя пола одеяния этого персонажа образует как будто отходящий назад шлейф, правда, его можно принять и за подогнутую ногу изображенного ниже животного. Обращенные вправо дуги в средней части человеческой фигуры тоже могут относиться как к ней, так и к пересекающей ее фигуре животного. Голова животного, также обращенно-

Рис. 6. Фрагмент гравировки с плиты кургана 9

го вправо, не прослеживается. Хорошо видны его круп без хвоста и задние ноги; одна из передних ног выброшена вперед.

Линии гравировок сильно выветрены и выглядят идентичными для человеческих фигур и фигуры животного. Последовательность нанесения фигур трудно определить уверенно, однако более вероятно, что изображение животного перекрывает человеческие фигуры. В целом же создается впечатление, что все три фигуры нанесены практически одновременно.

На **плите 2** с юго-восточной стороны кургана, на ее юго-восточной грани зафиксированы выбитые изображения (рис. 4 и 7). Верхняя часть этой стороны камня сколота в древности, в результате чего часть выбивок оказалась утрачена. Сохранившаяся часть крупной фигуры представляет зубастое существо с удлиненным треугольным языком; сохранились его передняя и задняя ноги с неясными окончаниями (рис. 7). Выбивка крупная и глубокая, местами поросшая черным лишайником. Слева от головы существа неясные выбивки, не составляющие отдельной фигуры; возможно, они передают правую переднюю ногу животного. Сохранившееся изображение имеет размеры около 120 x 50 см, раньше оно могло занимать всю верхнюю часть камня. Видимо, это кабан, тогда среди ближайших аналогий этого изображения – фигура из Ур-Марала в Таласской долине, выполненная в аржано-май-эмирском стиле [Шер, 1980, рис. 32], небольшое изображение на писанице Бычиха на правом берегу Енисея [Русакова, 1997, рис. 11, 5], резные

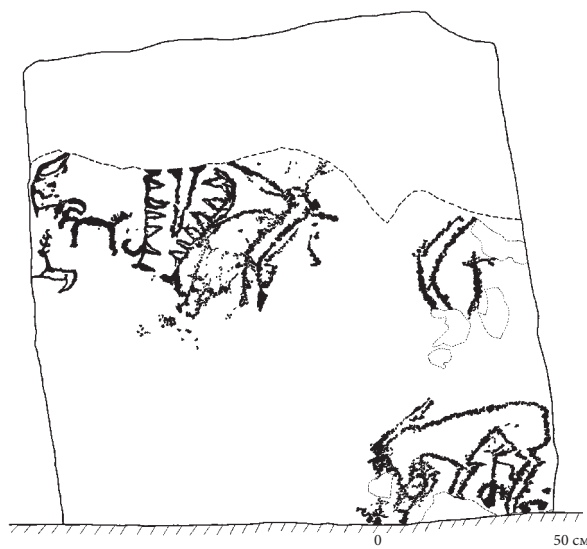

Рис. 7. Могильник Подкамень. Курган 9. Плита с выбитыми изображениями

изображения из урочища Тёнбш (Бичикту-Бом) на Алтае [Миклашевич, 2012, рис. 8, 9]. Изображения хищников с пастью, оформленной подобным образом, известны на территории Центрального и Северного Китая, Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Они подробно рассмотрены А.А. Ковалевым [2000, с. 153–158] и К.В. Чугуновым [2008, с. 66–68] и относятся к самому началу I тыс. до н.э. – «периоду сложения аржаномайэмирской стилистики в искусстве ранних кочевников» [Там же].

Слева от головы описанного животного, помимо мало понятных выбивок, изображена профильная фигура оленя, обращенная влево (16 x 15 см). Его прямые ноги направлены чуть вперед, подобно позе «внезапной остановки», показаны почти вертикальные рог и ухо. Выбивка крупная, глубокая, похожая на выбивку первой фигуры, но более плотная (рис. 7).

У правого нижнего края камня выбита профильная фигура животного, видимо, кабана (50 x 23 см). Ноги чуть согнуты и направлены вперед, голова низко опущена, на холке показана вздыбленная щетина. Выбивка крупная, глубокая, подобная выбивке описанных фигур с того же камня. Под животом кабана расположена выбитая фигурка человека Ф-образного силуэта или птицы (?). Выбивка более мелкая и частая, менее глубокая, чем предыдущие. Первые три фигуры относятся, вероятно, к начальному периоду

раннескифского времени, тогда как последняя фигурка могла быть нанесена позднее.

Курган 11 расположен на южной окраине могильника, скрыт высокой травой и кустарником. От ограды сохранились лишь два камня с северо-западной и юго-восточной сторон. Плита северо-западной стороны завалена к центру кургана. На ее узкой гладкой грани, обращенной к северо-востоку, на высоте 0,35 м вырезана фигура человека размером 7 x 4 см (рис. 8). На уровне его плеч изображен предмет, похожий на горизонтально развернутый лук, а на поясе, видимо, горит. Выше фигуры человека еле различим фрагмент неопределенного, практически исчезнувшего изображения.

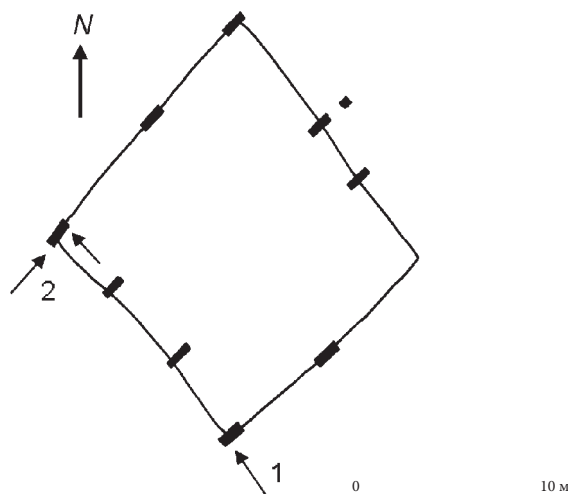

Рис. 9. Могильник Подкамень. План ограды кургана 21

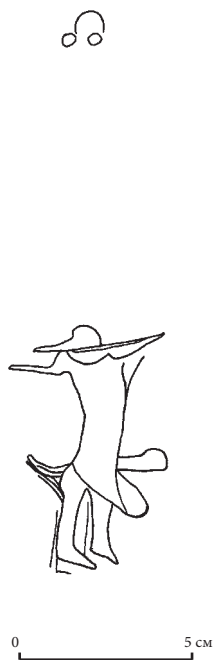

Рис. 8. Могильник Подкамень. Гравировка на кургане 11

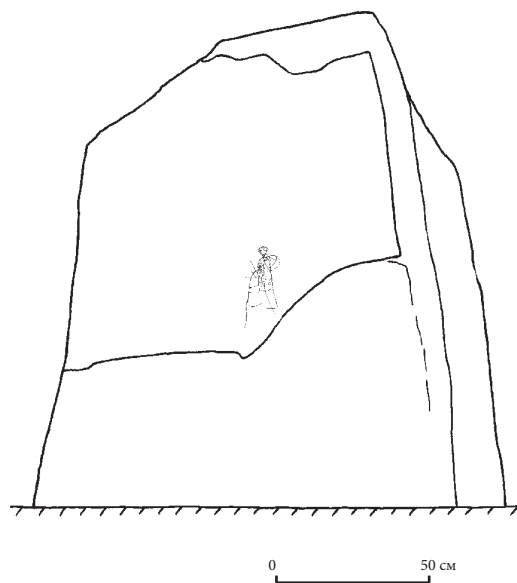

Рис. 10. Могильник Подкамень. Плита 1 кургана 21 с гравировками

Курган 21 расположен в северо-восточной части могильного поля. Ограда размером 14 x 14 м ориентирована углами по сторонам света. На ее северо-восточной и юго-западной сторонах имеются по четыре угловых/простеночных камня, на двух других – по три. На двух угловых плитах кургана – южной и западной – зафиксированы резные рисунки (рис. 9). Именно эти изображения были скопированы экспедицией И.Р. Аспелина [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 96–98].

На широкой юго-восточной стороне **плиты 1** (1,3 x 1,65 м) вырезана фигура человека, расположенная в центре на небольшом, свободном от лишайников участке камня 0,1 x 0,3 м (рис. 10–11). Контурные линии фигуры – более

глубокие, внутренние – тонкие, еле заметные. Разница в толщине линий указывает, вероятно, на частичную подработку рисунка и затрудняет определение его истинных деталей (рис. 12). Голова человека, видимо, показана в профиль и обращена влево, тогда как туловище в длинной одежде развернуто анфас. В нижней части лица имеются многочисленные мелкие выбоины, создающие впечатление окладистой бороды. Их изначальная принадлежность фигуре не очевидна, хотя выбивка выглядит достаточно древней и органично «дополняет» резное изображение. Подобная выбивка имеется и с противоположной стороны головы, создавая впечатление длинных кудрей. На темени человека показан головной убор с широким закругленным верхом. Его

Рис. 11. Могильник Подкамень. Резная фигура на плите 1 кургана 21

верхняя часть оформлена в виде симметричной двойной волноты. Дугообразные линии справа от головы (на затылке, судя по другим подобным изображениям) менее выражены, чем «основные» линии фигуры, однако изначально, видимо, входили в число последних. Вниз от убора спускаются несколько линий, имеющих и на других фигурах подобного облика (завязки для крепления головного убора?). Изогнутые линии под головой передают, должно быть, складки у горловины одеяния. Четко показаны две симметричные дуги, спускающиеся до уровня средней части фигуры (широкие рукава или края накидки?). Две поднимающиеся к лицу линии могут передавать какой-то удлинённый предмет, удерживаемый человеком, однако его руки не показаны. Размеры фигуры около 6 x 20 см.

Вот что писал об этой фигуре И.Р. Аспелин: «Поблизости (от камня с быками. – С.П.) я нашел курганный камень, на котором та же или столь же умелая рука изобразила фигуру, по-видимому, благородной персоны в профиль, высотой около 20 см. Ее духовный характер (схожесть со священнослужителем), особое одеяние, головной убор и остальные инсигнии напомнили

Рис. 12. Могильник Подкамень. Фото фигуры с плиты 1 кургана 21

мне и моим коллегам ассирийские изображения» [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8]. В комментарии к этому тексту Я. Аппельгрэн ошибочно описывает эту фигуру как размещенную на другой грани камня с быками («Podkamener Stein I») [Там же, s. 8]. Здесь же он дает свое описание этой фигуры – предположительно «важной персоны, возможно, священника/жреца» – и его костюма: «Его макушка и затылок покрыты до ушей подобием шапки, а на лбу возвышается сооружение, расширяющееся кверху и снабженное каймой. Спереди на головном уборе имеется полукруглый значок наподобие кокарды. С воротника широкой безрукавной одежды свисает бахрама. От руки, правда, не видимой на рисунке, поднимается до лица какой-то предмет, внизу узкий, а сверху широкий и косо срезанный» [Там же, s. 8].

На **плите 2** – камне западного угла ограды высотой 1,55 м, шириной 1,3 м, толщиной 0,5 м – резные изображения помещены на двух смежных сторонах (рис. 13).

Изображение на грани 1 представляет одну из наиболее известных таштыкских гравировок (рис. 13, 1). Именно этот рисунок был показан И.Р. Аспелину пастухом летом 1887 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, 7–8, abb. 96]. Крупная многофигурная композиция размером 0,9 x 1 м вырезана на широкой юго-восточной грани камня, в ее средней части. Судя по описанию изображения и прорисовкам, данным в публикациях [Aspelin, 1890, s. 8; Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 96], в конце XIX в. гравировки были лучшей сохранности. С тех пор поверхностный слой камня оказался во многих местах сколот, и часть фигур исчезла. Утрачены изображения кубковидного сосуда («высотой 9 см, украшенного горизонтальным пояском соединенных крестов») и всадника на выступающей поверхности камня справа и снизу от основной композиции [Appelgren-Kivalo, 1931, 8, abb. 96–97]. Отсутствуют изображения лошади и предметов вооружения в левой части плоскости, а также задняя часть фигуры быка (рис. 14). На сегодняшний день в композиции представлено 24 фигуры. Они выполнены разными по глубине линиями – от очень глубоких до еле видимых (рис. 15). Глубокие линии, несомненно, – результат неоднократных подновлений. Тонкие линии, которыми испещрен камень, не всегда складываются в изображение. Так, трудно понять, что изображено в нижнем левом углу плоскости, под ногами быка. Однако отдельные гравировки, не зафиксированные

И.Р. Аспелиным, видны достаточно отчетливо. Во-первых, это человеческая фигурка над частично разрушенным изображением воина с мечом в левой части композиции. Во-вторых, это рисунки двух птиц, расположенные одна под другой над головой быка, бегущего слева. Еще одна фигура человека, обращенного в противоположную сторону, перекрывает рисунок второго быка. Две маленькие человеческие фигурки показаны справа от лошадей, под ногами пешего лучника (рис.16). Кроме них, фрагмент подобной маленькой фигуры заметен на уровне головы этого лучника, справа. Несколько рисунков, только намеченных в публикации 1931 г., находятся в правом верхнем углу плоскости. Это изображение кубковидного сосуда и расположенная рядом фигура стреляющего лучника.

Фигуру лучника перекрывает высокий узкий предмет (щит?) (рис. 17). Слева у пояса горизонтально показана стрела с оперением, другая стрела с крупным наконечником лежит на тетиве. Правее лучника расположен сложный рисунок, представляющий две человеческие фигуры, наложенные одна на другую (рис. 18). Первая фигура – это изображение лучника, повернутого влево с натянутым луком. Отчетливо виден его резко очерченный профиль и торчащий чуб

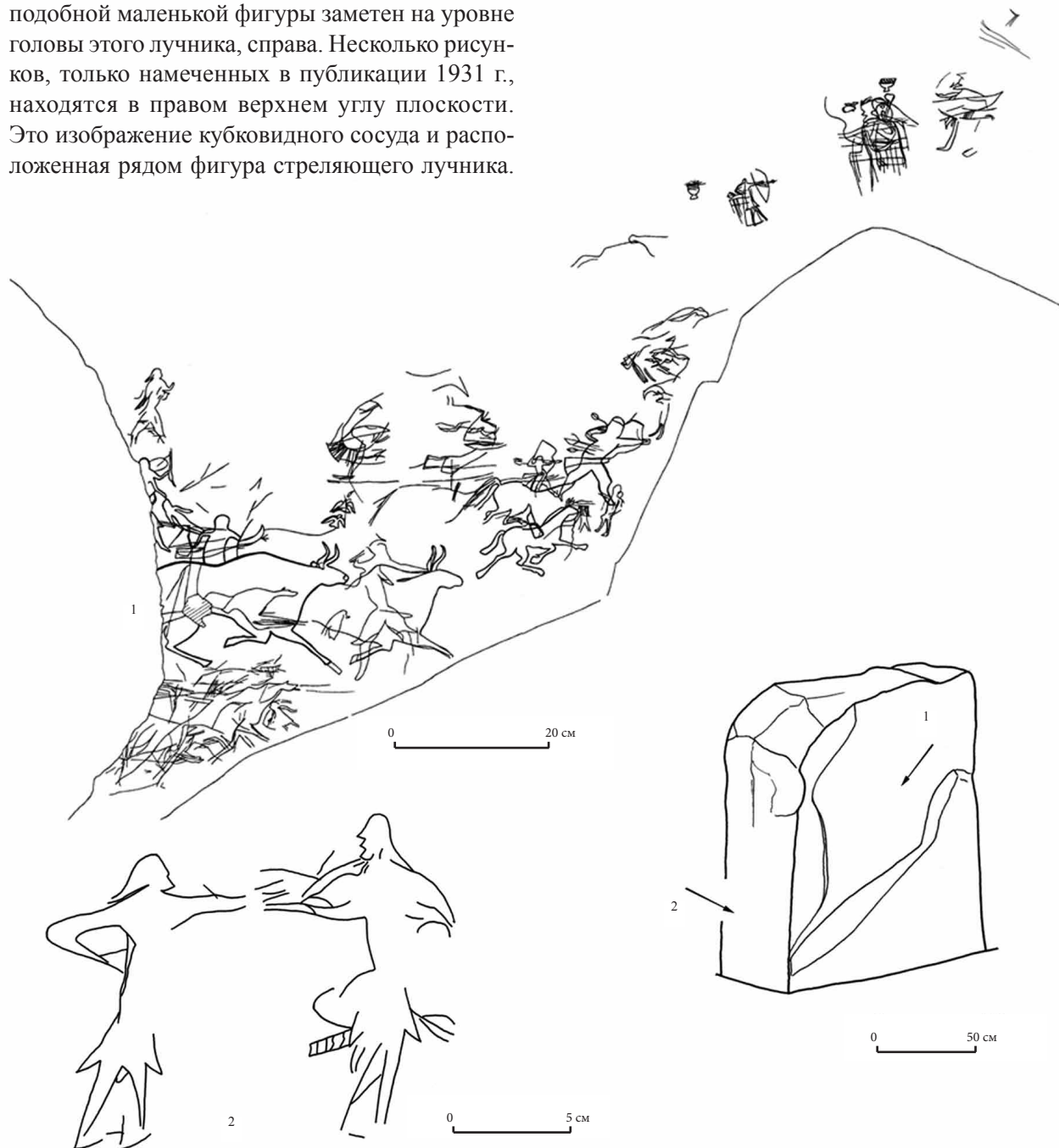

Рис. 13. Могильник Подкамень. Плита 2 кургана 21 с гравировками:
1 – прорисовка композиции с юго-восточной грани камня; 2 – прорисовка гравировки с юго-западной грани камня

на темени. Вторая фигура – персонаж в высоком головном уборе, аналогичный фигурам в длиннополых одеждах с других плит. Он повернут вправо, на затылке расположены дуга и «завиток» прически (?), показаны ухо и линия завязки, спускающаяся от головного убора. Линии обеих фигур неоднократно подновлялись, так что невозможно сказать, какая из них была исполнена первой. Над головой длиннополого персонажа изображен кубковидный сосуд с косыми насеч-

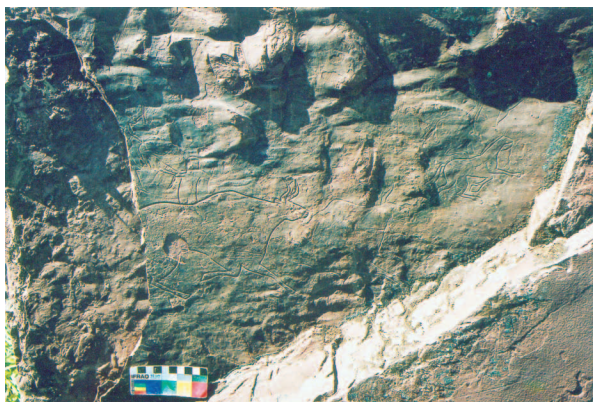

Рис. 14. Фото фрагмента композиции с быками с кургана 21

Рис. 17. Фото фрагмента сцены с быками с кургана 21. Изображение лучника

Рис. 15. Фото фрагмента сцены с быками с кургана 21

Рис. 16. Фото фрагмента сцены с быками с кургана 21. Изображение лошадей и человеческих фигурок

Рис. 18. Фото фрагмента сцены с быками с кургана 21. Изображение воина и «долгополого»

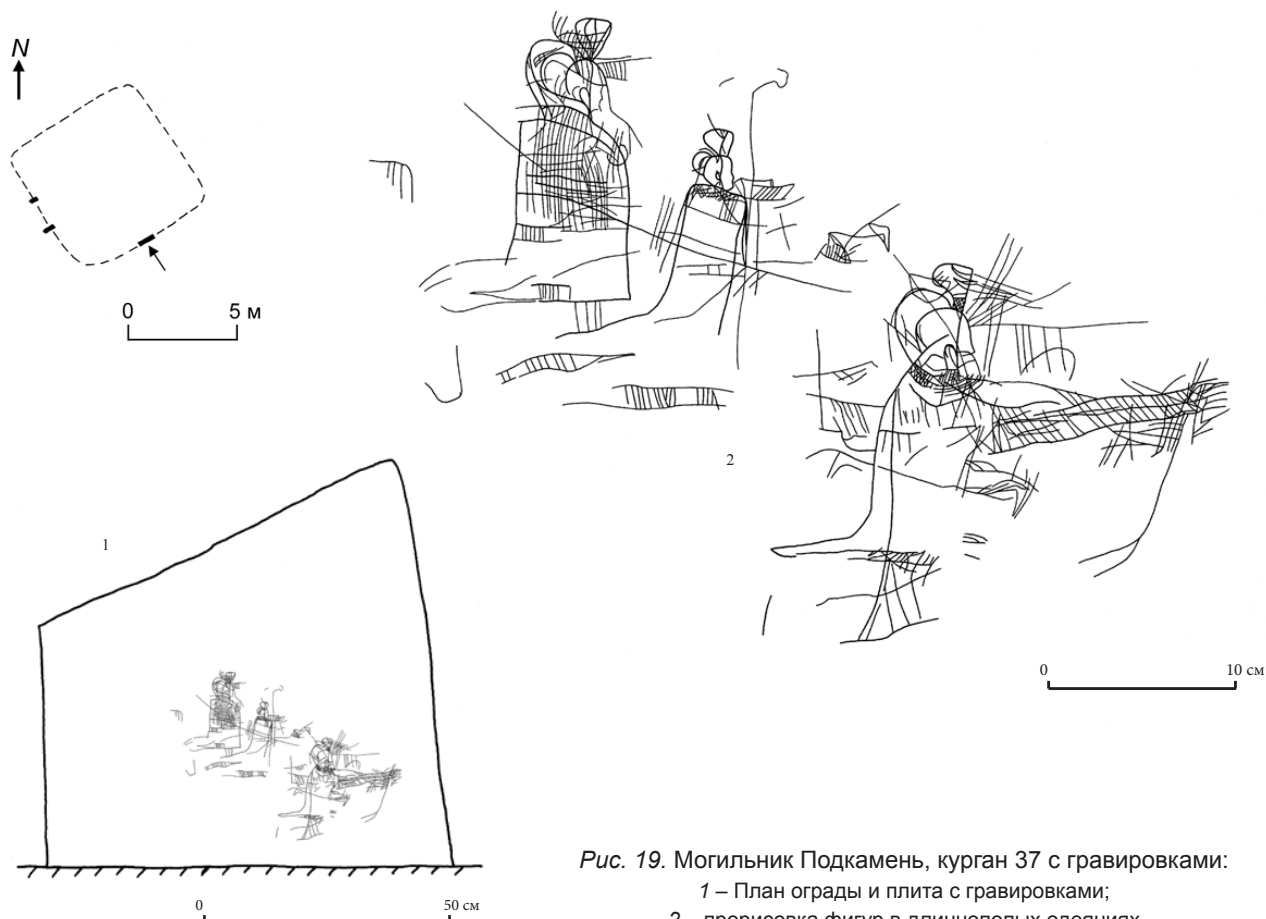

Рис. 19. Могильник Подкамень, курган 37 с гравировками:
1 – План ограды и плита с гравировками;
2 – прорисовка фигур в длиннополых одеяниях

ками, а перед лицом лучника – какой-то непонятный предмет. Правее этих рисунков имеется еще одно изображение, в котором угадывается человеческая фигура².

Вторая гравировка на том же камне расположена на юго-западной, торцевой его грани размером 0,35 x 1 м (грань 2). На высоте 0,4 м от земли на ровной поверхности тонко прорезаны обращенные друг к другу фигуры двух воинов (рис. 13, 2). Оба воина показаны в приталенных поколенных кафтанах с одинаковыми прическами в виде косицы на затылке. У обоих четко проработан профиль лица, у каждого одна рука согнута, другая вытянута в направлении противника (?). У фигуры справа на уровне бедер размещен колчан с поперечными полосами и показана стрела с оперением. Изображения сглаженные, сильно выветренные. Размеры фигур 6,5 x 11–12 см.

Курган 37 расположен в группе небольших оград северо-восточной части могильного поля. Размеры его ограды – около 7 x 7 м – реконструируются приблизительно по еле заметному всхолмлению. От ограды сохранились только три простеночных камня: один в центре юго-восточной стороны и два с юго-западной стороны. Гравировки расположены на камне юго-восточной стороны, на его широкой юго-восточной грани (рис. 19, 1). Это плита размерами 0,7 x 0,7 м со скошенным верхним краем и неровной, слоющейся поверхностью. Рисунки, расположенные в нижней части камня, выполнены тончайшими линиями. Хорошо различимы три обращенные вправо человеческие фигуры в длиннополых одеяниях и характерных высоких головных уборах (рис. 19, 2). У всех трех фигур имеются крутые дуги на затылке, хорошо видны уши и перед ними завязки, спускающиеся от головных уборов (рис. 20, 21). Свободные одеяния в разной степени заполнены пересекающимися гори-

² Сюжет этой сцены И.Р. Аспелин описал в работе 1890 г. [Aspelin, 1890, p.8].

зонтальными и вертикальными линиями, руки не показаны. Слева, т.е. позади каждой фигуры, показан «шлейф» – удлиненная пола одеяния, подчеркивающая его длину. Размеры фигур 7 x 18 см, 5 x 15 см и 9 x 20 см.

Головные уборы на темени каждой фигуры показаны немного по-разному, может быть, в разных ракурсах. У третьей, самой крупной фигуры, его нижняя часть – «околыш» – оформлен косой сеткой. Под головой этой фигуры на месте шеи – параллельные дуговидные линии с заключенными меж ними зигзагами (складки у горловины одеяния?). С обеих сторон от фигуры отходят горизонтальные косо заштрихованные полосы. Такие же, но более короткие заштрихованные полосы отходят и от двух других фигур, также по ходу их движения, на уровне головы или плеч. Спереди от второй, центральной фигуры можно предполагать какой-то вертикальный удлиненный предмет с навершием (?), однако нельзя исключить его случайный характер.

На южной периферии тагарского могильного поля расположен таштыкский склеп 1 (рис. 1)³. В 700 м к востоку от склепа располагается **поминальный ряд** из вертикальных плит, расположенных в ряд с севера на юг и обращенных узкими «лицевыми» гранями на восток⁴. На третьей с юга плите со скошенным верхом (1,75 x 1,0 x 0,35 м), на ее восточной узкой стороне имеется рельефный выступ овальной формы – личина окуневского типа (рис. 22). Личина высотой 0,35 м сильно выветрена и поросла лишайником, так что ее черты не читаются. В нижней части контур личины уплощенно срезан, что не характерно для окуневских изображений, чаще имеющих яйцевидный абрис. Можно предположить, что стела с личиной при установке на поминальном ряде была перевернута.

³ Сооружение подпрямоугольной формы со скругленными углами размером 12,5 x 10 м. Его каменная стенка шириной ок. 1 м сложена из хорошо подогнанных с внешней стороны плит, сохранилась на высоту до 0,5 м. Внутри стенки-ограды – западина глубиной около 1,5 м. Символический вход в склеп с ЮЗ представляет две вертикальные плиты размером 1,3 x 1 м, между которыми лежит плита 0,7 x 0,8 м.

⁴ В 2003 г. ряд включал семь плит и стел высотой до 1,8 м, у подножия которых почва сильно задернована, так что никаких дополнительных конструкций, вероятных для этого типа памятников, не видно. К западу от стел имеются незадернованные скопления валунов и обломки скальника, видимо, не связанные с поминальником. Судя по неравным расстояниям между имеющимися плитами, изначально их, вероятно, было больше, но без раскопок трудно установить их первоначальное число.

Рис. 20. Фото фрагмента фигуры с кургана 37

Рис. 21. Фото фрагмента фигуры с кургана 37

Рис. 22. Могильник Подкамень. Плита из поминального ряда с рельефной личиной

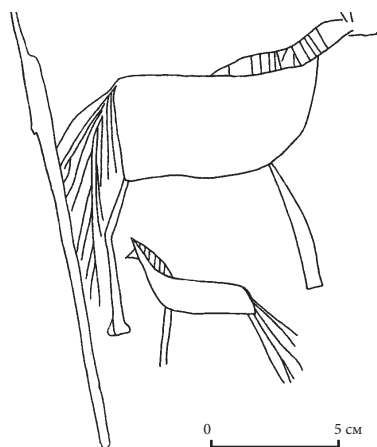

Рис. 23. Могильник Подкамень. Плита из поминального ряда с гравировкой

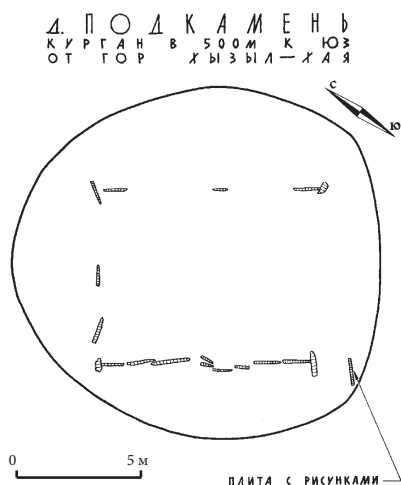

Рис. 24. Могильник Подкамень. План ограды кургана с указанием местоположения плиты, хранящейся в Эрмитаже. Рисунок Л.Р. Кызласова

На второй с севера плите (1,5 x 1,0 x 0,23 м), на обращенной к востоку ровной грани расположено резное изображение лошади и жеребенка (рис. 23), видимо, достаточно позднее.

В 5 км к западу от могильника Подкамень, на полпути до Ошкольской писаницы зафиксирован таштыкский склеп 2 (рис. 1)⁵.

Плита с гравировками, вывезенная с могильника Подкамень Л.Р. Кызласовым в 1959 г. [Кызласов, 1963, с. 159], находится сегодня в собрании Эрмитажа (инв. № 2564/1). При передаче плиты в Эрмитаж в 1969 г. Л.Р. Кызласов привел ее краткое описание и информацию о месте находки: «Плита с рисунками таштыкской эпохи с изображениями «шаманов» (и более поздних всадников) из Хакасии. Стояла за южным углом ограды тагарского кургана, находящегося в 500 м к юго-западу от гор Хызыл-хая, на правом берегу реки Черный Июс близ улуса Подкамень. Этот курган расположен в большой курганной группе, находящейся в 5 км к востоку от улуса Подкамень». Описание сопровождалось планом ограды тагарского кургана, к которому и относилась плита (рис. 24). В финской публикации 1931 г. эта плита отмечена как «Podkamener Stein II» [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 99], хотя, как уже отмечено, при соотнесении гравировок и плит тогда произошла путаница.

Приведем описание гравировок этой плиты, данное Я. Аппельгреном-Кивало: «Камень II (Podkamener Stein II) 1 м высотой и примерно столько же шириной. На нем имеются резные изображения, важные детали одежды которых дают дополнительное представление о благородной персоне, показанной на abb. 98. На камне II находятся три такие фигуры клириков (priesters). Наиболее детальная из них, abb.100, имеет высоту 10 см. Она отличается волочащейся, очевидно без рукавов одеждой, от воротника которой спускается бахрома, а в нижней части, чуть выше края, видна поперечная кайма, украшенная перекрещивающимися линиями. Задняя часть головного убора выпуклая, а на затылке оканчивается «роликом». Соору-

⁵ Склеп располагается к югу от проселочной дороги Подкамень – Кирово, на 3-м км от д. Подкамень, за возвышенной грядой в начале межгорного лога, из которого вытекает пересыхающий ручей, впадающий в р. Черный Июс. Склеп размером 9 x 10 м, символический вход с ЮЗ оформленный двумя вертикальными плитами в 0,8 м друг от друга. Сооружение сильно задерновано, практически без провала в центре. Стенка склепа шириной 1 – 1,5 м сложена из каменных блоков размером до 0,6 x 0,8 м.

жение надо лбом спереди вертикально, сзади немного закругляется. Священнослужитель держит перед собой предмет, напоминающий кадуцей. Справа от этой фигуры видна верхняя часть корпуса другой фигуры с почти таким же головным убором, abb. 101. Выше обеих фигур расположена третья, слабо прорезанное изображение священника в волочащемся до пят одеянии и головном уборе, подобном описанному. Нечеткие линии позволяют увидеть, что эта фигура также держит жезлообразный предмет (Abb.102). Слева

от этих благородных персон находится низкий четырехугольный предмет (алтарь?), на котором стоит широкогорлая чаша на ножке (котел?)» [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8, примечание 7].

Плита из красного девонского песчаника, хранящаяся в Эрмитаже, имеет трапециевидную форму (78 x 67–95 x 5–7 см). С одной стороны, менее рельефной, она покрыта гравировками, на другой стороне, неровной и как бы рифленной, изображений нет. При сравнении с рисунком и размерами камня, приведенными Я. Аппель-

Рис. 25. Могильник Подкамень.
Плита с гравировками, хранящаяся в Эрмитаже. Прорисовка

Рис. 26. Фото фрагмента гравировки с плиты из Эрмитажа

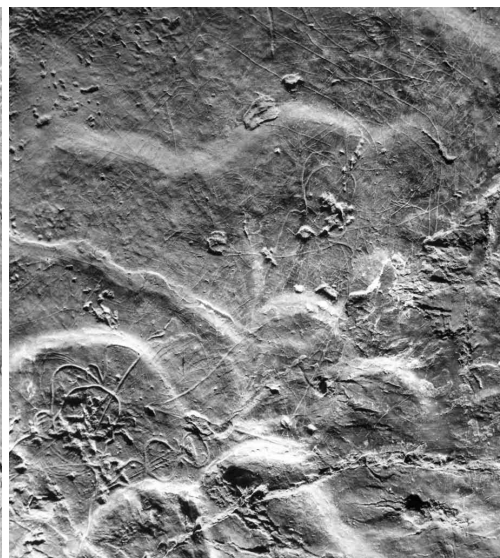

Рис. 27. Фото фрагмента гравировки с плиты из Эрмитажа

грен-Кивало [1931, abb. 99], видно, что нижняя часть плиты обломана (рис. 25). Должно быть, она осталась в земле после того, как плита оказалась сломанной.

Поверхность плиты была покрыта лишайниками, скрывающими часть гравировок. Расчистка камня, проведенная в Эрмитаже в 2002 г., выявила новые изображения, не зафиксированные в конце XIX в. Помимо известных изображений трех фигур в длиннополых одеждах, «алтаря» и двух лошадей, приведенных в публикации 1931 г., стали хорошо различимы фигурка воина у верхнего края камня, голова и плечи еще одного персонажа в высоком головном уборе, а также изображение третьей лошади. Кроме того, слева от самой крупной из человеческих фигур имеется какое-то полустертое, нарушенное выбивкой изображение. Можно предположить, что здесь была изображена еще одна подобная фигура: ее контуры прорезаны не столь явно, как у соседнего персонажа, но все внутренние линии совершенно ему аналогичны⁶. Слева от этого изображения вырезаны два заштрихованных прямоугольных предмета (?), связанных с человеческой фигурой несколькими линиями.

В верхнем левом углу плиты имеется выбитое кольцо диаметром 8 см. Должно быть, оно появилось на плите раньше резных рисунков, т.к. внутри кольца были вырезаны профильное

изображение головы и здесь же контур лица в профиль, по манере исполнения аналогичные другим резным рисункам камня.

Одни гравировки эрмитажной плиты четкие, другие едва заметны. Контурные линии основной фигуры в длиннополой одежде глубокие, то же можно сказать о верхнем прямоугольном предмете – должно быть, они неоднократно прорезались поверх изначальной гравировки. Внутренние линии, как и у соседних подобных фигур, мелкие и тонкие (рис. 26). Такими же относительно тонкими линиями выполнены и другие изображения памятника. Кроме того, практически вся поверхность плиты покрыта еле различимыми гравировками. Отдельные тонкие гравировки расположены внизу, у самого слома камня. Вероятно, какие-то изображения продолжались и на отсутствующей, нижней части плиты.

На месте лица и груди трех ранее известных фигур поверхность камня сбита. У самой крупной из них ясно видны округлые поперечные линии (складки одежды у горловины) и подобие бахромы под горлом, узорная кайма в косой крест в нижней части одеяния, а также вертикальные и горизонтальные линии штриховки. У этой фигуры более других проработаны детали: «околыш» головного убора, дуги на затылке, заштрихованный крест-накрест «завиток» у их основания (рис. 27). У левого плеча «основной» фигуры в длиннополом одеянии показан диагонально направленный трехчастный предмет. Ни у одной из подобных фигур руки

⁶ Подобная ситуация зафиксирована и на Ошкольской писанице, на грани 4 верхнего яруса [Панкова, 2012, вклейка, прорисовка 3, участок II].

даже не намечены, в отличие от изображения человека в «обычной», приталенной одежде степняка. В публикации 1931 г. все три загадочные фигуры показаны очень точно [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 100–102], за исключением того, что у «главной» и «верхней» из них различимы еще и ножки, выступающие из-под длинных одеяний.

Не вполне ясно, составляют ли все изображения, вырезанные на плите, одну композицию. Очевидно, что в единую сцену входят четыре фигуры в длиннополых одеяниях и, вероятно, связанные с ними прямоугольные заштрихованные предметы. Фигура воина и контуры человеческих лиц в выбитом кольце могли быть выполнены одним рисовальщиком, т.к. профили всех трех изображений аналогичны. Вполне вероятно, однако, что эти гравировки были вырезаны одновременно и с фигурами в длинных одеждах, т.к. те и другие имеют сходные очертания головы.

Вплотную к воину изображена лошадь. Ее схематичная профильная фигура отличается тонким телосложением, акцентированными зубчатой гривой, длинными ногами с выделенными коленками, опущенным вниз тонким хвостом. Две соседние лошади исполнены в той же манере, причем у одной из них намечена фигура всадника, держащего поводья (?). В своем ны-

нешнем состоянии резные линии лошадей, фигуры воина и неподновленных «загадочных» фигур похожи одна на другую. Однако стилистически изображения лошадей отличаются от таштыкских гравировок Подкамня I. По всей видимости, их не стоит объединять с другими изображениями рассматриваемой композиции.

В 1,5 км к северу от могильного поля с описанными изображениями (Подкамень I), у подножия горы Хызыл-Хая расположен еще один небольшой тагарский могильник (Подкамень II) (рис. 1). Ограда самого северного из его курганов включает большую плиту размером 1,1 x 2 м с крупными, глубоко прорезанными изображениями. Они размещены на северо-западной грани, ближе к левому нижнему углу камня (рис. 28).

В центре композиции показаны пять человеческих фигур в длинных одеждах со «шлейфами» и высоких головных уборах (рис. 29). У одной из фигур перед грудью изображен круглый предмет, пересеченный расходящимися из центра линиями. Пространство внутри одеяний трех фигур покрыто тонкими пересекающимися линиями, из-под полы одеяний выглядывают ноги. Головные уборы показаны более чем обобщенно. Внешние контуры фигур прорезаны очень глубоко и четко – по всей видимости, они

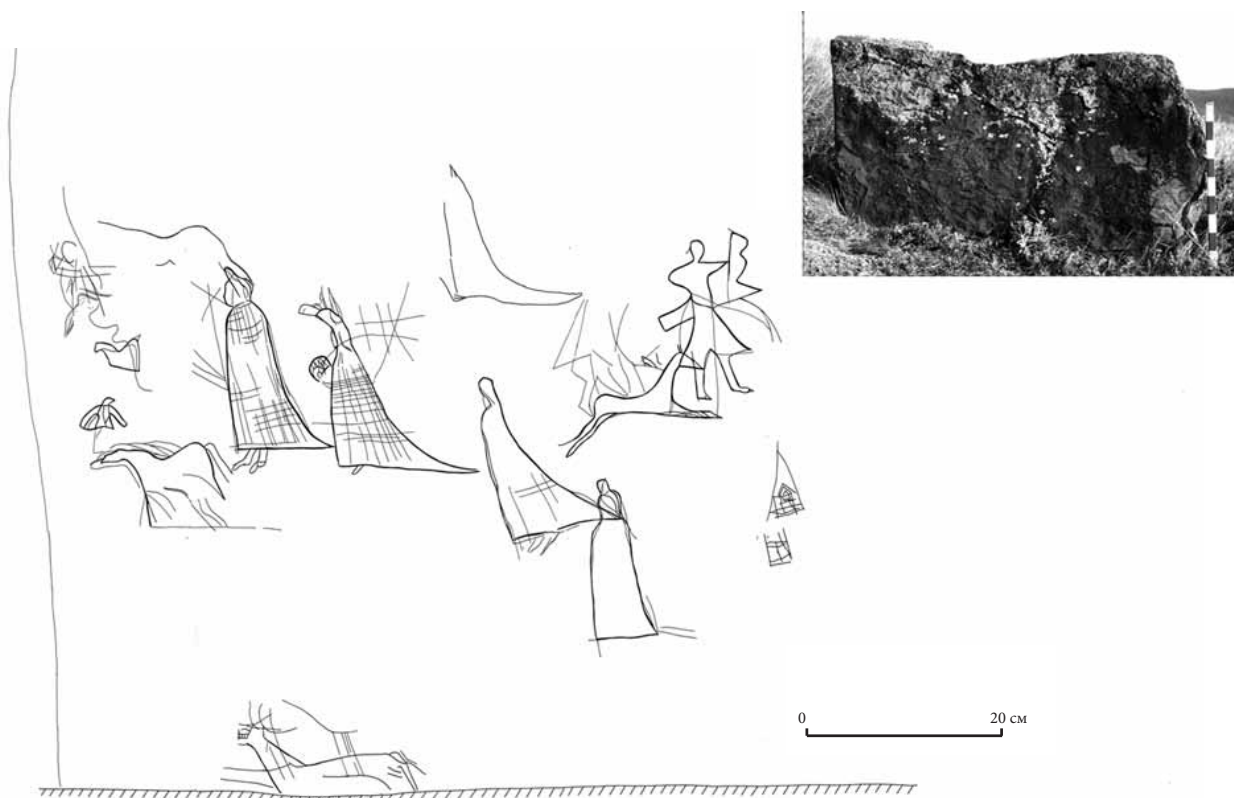

Рис. 28. Подкамень II. Прорисовка плиты с изображением

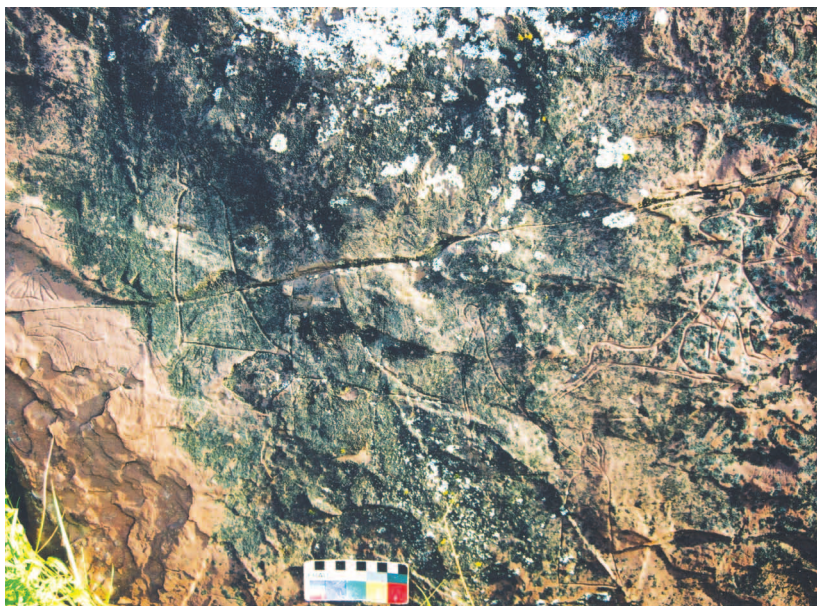

Рис. 29. Подкамень II. Фото композиции с группой фигур

Рис. 30. Подкамень II. Фото резной фигуры

неоднократно подновлялись, внутренние линии тонкие, хотя тоже хорошо заметны (рис. 30). Слева от этих фигур вырезаны криволинейная фигурка, напоминающая бронзовые двухголовые подвески-коньки из таштыкских склепов, изображение птицы с распростертыми крыльями и какого-то животного (лошади?). Выше них видны неопределенные, скрытые лишайником гравировки. Внизу плоскости уходит под землю тонко прорезанная фигура зубастого (?) зверя. В правой части плоскости изображен лучник (высотой 16 см) в приталенном поколенном кафтане и неопределенное животное (рис. 29). Кроме того, здесь различима скрытая под лишайником фигура еще одного воина. Правее этих изображений находятся две какие-то фигуры треугольных и квадратных очертаний, заполненные пересекающимися линиями.

Композиция производит противоречивое впечатление: хотя некоторые фигуры очень похожи на таштыкские, но из-за глубины линий и подновлений они кажутся значительно более молодыми. Это впечатление связано, вероятно, и с характером поверхности плиты. Лишайник покрывает плоскость неравномерно – у левого края плиты, где изображены птичка, «лошадь» и неопределенные фигуры, его вовсе нет. В этих местах камень розоватого цвета не имеет «загара» и выглядят относительно молодым, будто недавно вырубленным из скалы. Остальная часть

плоскости покрыта темно-зеленым лишайником, из-под которого местами проглядывает такая же розовая поверхность. Мелкие тонкие гравировки практически скрыты, однако глубоко прорезанные контуры основных фигур видны очень явно. По-видимому, они неоднократно подновлялись, в том числе после зарастания камня лишайником, т.к. в отдельных глубоких гравировках лишайник отсутствует. Тонкие гравировки подновлялись, похоже, значительно реже, поэтому нет уверенности, что детали одежды и головные уборы сохранили первоначальный вид⁷.

Подобно композициям Подкамня и Ошкельской писаницы, на одной плоскости соседствуют изображения таштыкского облика (птичка, лучник) с фигурами в длиннополых одеждах. Однако изображенные персонажи, при определенном сходстве с рисунками соседнего могильника, ощутимо отличаются от них. Еще на кургане, при осмотре композиции у нас возникли сомнения в ее принадлежности тому же кругу изображений, что и гравировки Подкамня I. Казалось бы, на человеческих фигурах показаны те же одеяния со шлейфами и высокие головные уборы, так же спрятаны руки и чуть-

⁷ Особенность этой композиции и в том, что она размещена на северо-западной стороне плиты, тогда как большинство рисунков Подкамня I вырезаны на гранях, обращенных к юго-востоку.

Рис. 31. Карта памятников с таштыкскими гравировками в Минусинской котловине

Рис. 32. Головные уборы фигур в длиннополых одеяниях и их аналогии:

1 – Подкамень, плита из ГЭ; 2 – Подкамень, курган 37; 3 – изображение императора династии Хань в тунтянгуань, свиток Гу Кай-чжи; 4 – изображение брата императора, копия XII в. (?) со свитка Гу Кай-чжи (3, 4 – по: [Сычев Л., Сычев В., 1975]); 5 – фрагмент свитка с рисунком тушью; 6 – фрагмент книжной миниатюры; 7 – роспись по рами; 8 – настенная роспись (5–8 – Турфан, манихейский монастырь в Хочо, по: [Gulácsi, 2001])

чуть видны ноги. Однако головные уборы здесь иной формы или иначе переданы, также и контуры фигур имеют иные очертания. Возможно, на современном облике фигур сказались более чем вероятные подновления гравировок, искажившие первоначальные образы. Или фигуры Подкамня II были вырезаны как подражание более древним изображениям?

В любом случае, изображения на плите Подкамня II воспринимаются совершенно иначе, чем тонкие во всех отношениях рисунки основного комплекса. Грубоватые по сравнению с изящными рисунками Подкамня I фигуры с горы Хызыл-Хая, найденные и опубликованные Н.И. Рыбаковым, отнесены им к позднему средневековью или еще более недавнему времени по причине светлой тональности линий и слабой патине [Рыбаков, 2005, с. 303]. Возможно, это так и есть, однако это вовсе не означает, что к некому «позднему» периоду надо обобщенно относить все изображения фигур в длиннополых одеяниях. Эти эффектные фигуры могли привлечь внимание людей, живших значительно позднее тех, кто нанес гравировки на скалы и плиты, побудить их «подправить» полустертые изображения или в подражание начертить свои, более или менее похожие. Многие из фигур, найденных и прорисованных Н.И. Рыбаковым, как отмечает сам исследователь, отличаются признаками доработок и подновлений.

Основные подходы к анализу и интерпретации изображений

Характерные изображения людей в длиннополых одеждах с высокими головными уборами занимают особое место среди гравировок могильника Подкамень. Все обнаруженные здесь фигуры (за исключением одной миниатюрной) достаточно детализированы и отличаются мастерством исполнения, их линии выразительны и пластичны. Значительная часть фигур, исполненных тончайшей гравировкой, не подновлялась, исключение составляют лишь две наиболее крупные фигуры (рис. 11, 25). Вполне вероятно, что все подкаменские фигуры в длиннополых одеяниях были вырезаны одним человеком. При этом по манере исполнения они значительно отличаются от фигур других памятников. На Ошколе присутствуют как маленькие схематичные фигурки-«сапожки», так и более крупные детализированные фигуры с обилием

дополнительных деталей, но ни те, ни другие не похожи на подкаменские [Панкова, 2002, рис. 1, 2; 2012]. То же относится к фигурам с Барбаковых гор и, особенно, с горы Барстаг, вовсе показанных в профиль.

Все известные сегодня фигуры в длиннополых одеяниях и с высокими головными уборами найдены на северо-западе Хакасии, в пределах ограниченного района радиусом не более 20 км, в междуречье Июсов (рис. 31). Всего к настоящему времени известно более 30 фигур на тринадцати плоскостях: 11 на могильнике Подкамень, 13 на Ошкольской писанице (не считая трех фрагментарных изображений), 2 на склоне Барбаковых гор, 4 на горе Барстаг, 4 на Подкамне II, 4–6 на Чульской писанице. В основу дальнейшего анализа, однако, положены гравировки, лично знакомые автору, т.к. для полноценной работы с такими изображениями необходимо личное знакомство с их оригиналами или хотя бы с фотографиями. Только в этом случае можно оценить (хотя тоже не всегда!), подвергались ли гравировки подновлению, какие детали достоверно связаны с исходными образами, а какие случайны или добавлены позднее. Иначе, при всем уважении к авторам прорисовок, особенно в случае нехарактерных изображений, всегда остается момент недоверия к той или иной изображенной детали, учитывая известную сложность копирования резных изображений.

Первые же исследователи этих фигур отметили их отличие от других известных наскальных гравировок, представлявших охотников и воинов, и предположили в них священнослужителей, «шествующих торжественно и церемонно» [Aspelin, 1890, p. 8; Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8, abb. 99–102, 302–308]. Более того, фигуры в длиннополых одеяниях вызвали ассоциации с духовными лицами Китая и даже Ассирии [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8; Tallgren, 1933, p. 204].

После опубликования в 1931 г. материалов экспедиции И.Р. Аспелина, эти фигуры вызвали интерес специалистов по древней истории Азии, в том числе востоковедов, что предопределило историю мнений об этих изображениях. Отнесенные к концу I тыс. н.э. (в основном по сходству техники исполнения с сулекскими гравировками, сопровождавшимися руническими надписями), они были привлечены как свидетельства существования в Южной Сибири центральноазиатских религиозных общин – ма-

нихейских и несторианских [München-Helfen, 1951; Кляшторный, 1959]⁸. Археологическое изучение гравировок Подкамня возобновилось в 1959 г., причем к этому времени уже была разработана периодизация культур Минусинского края и исследовано значительное число памятников. Л.Р. Кызласов связал гравировки Подкамня с таштыкской культурой, датировка которой предполагалась им в пределах последних веков до н.э. – V в. н.э. [Кызласов, 1963, с. 159]. Таштыкская принадлежность гравировок определялась, вероятно, изобразительной манерой сцены с быками (рис. 13, 14), т.к. подобные композиции уже были атрибутированы как таштыкские и самим Л.Р. Кызласовым [Кызласов, 1960, с. 91], и ранее отнесены к началу новой эры или периоду переселения народов Г.П. Сосновским и А. Тальгреном [Сосновский, 1933, с. 39; Tallgren, 1933, p.183, 198–206].

За последние десятилетия и взгляды на датировку таштыкских памятников изменились, и число известных изображений этого круга заметно увеличилось – как достоверно таштыкских гравировок, так и фигур в длиннополых одеяниях, хронологическая принадлежность которых еще недостаточно обоснована. Вкратце остановимся на истории мнений об интерпретации и датировке этих персонажей и постараемся их оценить с учетом приводимых подкаменных гравировок. Как восприняли фигуры члены экспедиции И.Р. Аспелина, уже было сказано. Другие исследователи, вплоть до начала XXI в., также имели в распоряжении только изображения, опубликованные в 1931 г. – фигуру, похожую на «ассирийца» и три фигуры с плиты, ныне хранящейся в Эрмитаже (рис. 11, 25). Австрийский историк О. Менхен-Хельфен, специально обратившийся к этим изображениям в 1951 г., увидел в них представителей какого-то нешаманистского культа, т.к. «их церемонные движения слишком не похожи на истерическое поведение шаманов во время «камланий» [1951, р. 319]. Исходя из вероятного времени создания гравировок, аналогичных по технике сулекским изображениям с руническими надписями,

вполне вероятной была их принадлежность как манихейской, так и несторианской церкви. Однако в последнем случае, предположил О. Менхен-Хельфен, при фигурах «должен был находиться хоть один крест». Веский иконографический аргумент – чрезвычайная близость фигур из Подкамня изображениям манихейских «избранных» из Хочо (Турфан) – склонил О. Менхен-Хельфена к манихейской версии [München-Helfen, 1951, р. 318–319]. На основании даты турфанских памятников фигуры «духовных лиц» из Подкамня были отнесены к середине IX в. О. Менхен-Хельфен выразил уверенность в том, что они были вырезаны не самими манихеями, а местными кыргызами, вряд ли имеющими отношения к манихейской вере, но имевшими возможность наблюдать манихейские ритуалы. Допускалось существование в районе Подкамня небольшой колонии или монастыря [München-Helfen, 1951, р. 326].

С.Г. Кляшторный упомянул о фигурах Подкамня в связи с рассмотрением Суджинской надписи на р. Селенге, вырезанной в середине IX в. от имени кыргызского военачальника и включающей арамейское слово «MAR», обозначающее в тюркских языках Центральной Азии манихейского или христианского наставника в вере, клирика [Кляшторный, 1959, с. 166]. На основании этого термина Г.И. Рамстедт пришел к выводу о манихействе кыргызов, что и оспаривает в своей статье С.Г. Кляшторный, по мнению которого более вероятным было их приобщение к несторианству. Он аргументирует свое мнение присутствием на территории Хакасии выбитых знаков несторианского креста, письменными свидетельствами о союзе кыргызов с несторианцами-карлуками и их вековой вражде с манихеями-уйгурами, и, наконец, фактом смены кыргызами обряда сожжения на предание земле. Однако, замечает С.Г. Кляшторный, «религиозный синкретизм, наблюдаемый в манихействе и, отчасти, в центральноазиатском христианстве, делает затруднительным более точное отнесение языкового и иконографического материала к тому или другому культу» [1959, с. 166]. Изображение позади одного из «клириков» Подкамня предположительно трактуется как алтарь с потиром, а предметы в их руках – как древнехристианские рипиды. Таким образом, версия С.Г. Кляшторного основана на исторической вероятности распространения несторианства у кыргызов в IX в.; иконографические материалы им специально не рассматривались.

⁸ Для эпохи раннего средневековья, когда были созданы гравировки Подкамня, такая возможность была уже вполне вероятна. Христианство несторианского толка получает распространение в Восточном Туркестане уже в V–VI вв., а в Китае по крайней мере к 635 г. [Никитин, 1984, с. 193]. Так же и манихеи появляются в Китае в VII в., а в Средней Азии и Восточном Туркестане, видимо, несколько раньше [Литвинский, Смагина, 1992, с. 523; Лурье, 2013].

Вскоре после опубликования статьи С.Г. Кляшторного, в личной беседе с ним О. Менхен-Хельфен признал «несторианскую версию» более вероятной, более соответствующей политической обстановке в каганате кыргызов ([Erdy, 1996, p. 50], а также личное сообщение С.Г. Кляшторного). Сам О. Менхен-Хельфен уже не успел отразить это мнение в своих работах, что сделало возможным резкую критику его давней статьи М. Кнүппелем [Knüppel, 2012]. Последний при этом не внес ничего нового в существующую полемику, видимо, вообще не имея о ней представления.

О. Менхен-Хельфен и С.Г. Кляшторный упомянули при описании фигур из Подкамня термин «uzuntonluq» – «долгополые», используемый в уйгурских текстах Синьцзяна для обозначения церковнослужителей – только, впрочем, чтобы акцентировать впечатление от более чем необычных для Сибири фигур из Подкамня [Mänchen-Helfen, 1951, p. 319; Кляшторный, 1959, с. 166]. Лучшего термина для обозначения рассматриваемых фигур, учитывая его краткость и выразительность, пожалуй, и не придумать, хотя, безусловно, его следует отделять от первоначального «уйгурского» значения. Справедливо, однако, замечание О.С. Советовой о том, что по нормам русского языка длиннополыми или долгополыми могут быть только одежды, но никак не фигуры⁹. И все же при дальнейшем упоминании этих фигур в длинных одеждах я буду иногда называть их «долгополыми», в качестве своего рода термина.

М. Эрди, ссылаясь на костюмы сибирских и монгольских шаманов, передающих облик перелетных или хищных птиц, предлагает видеть в шлейфе длиннополых птичий хвост, а в головном уборе маску с клювом [Erdy, 1996, p. 55–56]. Совершенно особое мнение относительно персонажей на плитах Подкамня высказал И.Л. Кызласов, считающий их изображениями женщин, при этом он не сомневается в таштыкской принадлежности этих гравировок. Исследуя булавки из таштыкских и аскизских комплексов, а также из числа случайных находок в Минусинской котловине, И.Л. Кызласов привлек три подкаменские фигуры (все с эрми-тажной плиты) в качестве иллюстрации, рисующей женщин с длинными булавками в пышных

прическах и с высокими головными уборами [Кызласов, 2001, с. 156]. Появление названных особенностей в парадном женском костюме, по И.Л. Кызласову, могло быть связано с посольствами из Китая, привозившими на Енисей так называемых дипломатических невест. Позднее высокие головные уборы и шлейфы одеяний были характерны для общетюркского парадного убранства и сохранились в этнографических материалах (головной убор саукеле и хакасское платье с рудиментами шлейфа).

Обратившись к аналогиям, привлеченным О. Менхен-Хельфеном, удалось сопоставить головные уборы турфанских *electi*, а вслед за ними и минусинских фигур с китайскими *тунтяньгуань* [Панкова, 2000, с. 230]. Однако более ранняя дата минусинских гравировок по сравнению с турфанскими изображениями заставила предполагать, что те и другие имели общие прототипы, изначально не связанные с манихейством. Так же и присутствие подвесок, нехарактерных для *electi*, в одеяниях отдельных длиннополых фигур Хакасии, противоречит их манихейской интерпретации [Панкова, 2002, с. 137].

В 1970–1980 гг. на р. Уйбат и в котловине Сорга Л.Р. Кызласов исследовал крупные сырцовые сооружения, трактованные им как манихейские храмы IX–XII вв. [Кызласов, 1998; 1999]. Публикация соответствующих материалов в 1990-е годы подтолкнула художника Июсской экспедиции СО РАН Н.И. Рыбакова к осмыслению загадочных фигур на скалах северной Хакасии как адептов манихеизма [Рыбаков, 2005]. Среди атрибутов, соответствующих такой интерпретации, – «предмет под мышкой жреца ... божественный жезл – ваджр...», круглые эмблемы на лбу фигур Барстага – «третий духовный глаз», длинные одежды – «доспехи небесных воителей» [Рыбаков, 2007б, с. 681–682]. Таштыкские гравировки, по Н.И. Рыбакову, не имеют отношения к долгополым фигурам, вырезанным позднее. Фигуры Чульской писаницы, в том числе с утрированными женскими чертами, трактованы им как прибывшая из Согда или Туркестана маргинальная группа близких к манихейству сектантов [Рыбаков, 2009]. В одной из последних работ, однако, Н.И. Рыбаков корректирует свои взгляды, обнаружив изображения, подобные «жезлам» у плеча сибирских долгополых, в буддийских памятниках Центрального Китая, и делает вывод о синкретичности их облика и сложности их однозначной интерпретации. При этом выявляются «три ре-

⁹ Это мнение было высказано О.С. Советовой в отзыве на кандидатскую диссертацию автора 2011 г.

лигиозно-исторических субстрата: буддийский, манихейский и шаманистский центральноазиатский» [Рыбаков, 2013, с. 149]. Уделяя исключительное внимание манихейской интерпретации длиннополых фигур, Н.И. Рыбаков сначала затруднялся с определением возраста рассматриваемых фигур, датируя их в широких пределах от середины VII в. до периода позднего средневековья [Рыбаков, 2007, с. 82]; позднее, однако, датировка была сужена до 2-й половины VIII – первой половины IX в. [Рыбаков, 2013, с. 148].

Еще одна версия выдвинута в последние годы П.П. Азбелевым, проанализировавшим некоторые реалии «долгополых»: «в позиции поясных пряжек изображены парные волутообразные выступы – предметы фурнитуры, очень похожие на специфически таштыкские двурамчатые пряжки и накладки, а также схематично изображенные подвески (вероятно, ремешки), с косой штриховкой или без нее. Положение подвесок позволяет предполагать, что у некоторых персонажей не по одному, а по два пояса – обычная практика у раннесредневековых народов горно-степных областей» [Азбелев, 2008, с. 462, рис. 1]. В фигурном завершении одной из подвесок П.П. Азбелев видит В-образную пряжку, какие встречаются в таштыкских склепах [Панкова, 2002, рис. 1] (рис. 34, 1). Отмечая, что гравировки «найденны в пределах таштыкского ареала, выполнены в таштыкской технике и по реалиям датируются таштыкским временем», П.П. Азбелев считает «методически неверным» усматривать в фигурах «долгополых» каких-либо иноземцев, и предполагает в них особую социальную группу таштыкского общества [Азбелев, 2008, с. 463]. Иноземные черты в изображениях долгополых П.П. Азбелев связывает со сложным компонентным составом таштыкской культуры, а их своеобразие среди таштыкских гравировок объясняет недостатком информации о таштыкской палеоэтнографии и структуре общества.

Таким образом, нет единодушия ни в плане датировки длиннополых фигур северной Хакасии, ни в плане их интерпретации: мужчины или женщины, чужеземцы или таштыкцы, служители культа или иная «особая» группа. Прежде всего, необходимо определиться с вопросом, относятся ли эти изображения к числу таштыкских. Одна из причин для сомнений заключается в том, что подобные фигуры отсутствуют на многочисленных таштыкских миниатюрах, т.е. как будто выпадают из известного репертуара таштыкских

образов. К тому же в наскальных гравировках «долгополые» не взаимодействуют (понятным для нас образом) с бесспорно таштыкскими персонажами. Для датирования, определения места и юсских фигур среди наскальных гравировок Хакасии необходимо рассмотреть их соотношение с окружающими таштыкскими рисунками, стилистическое своеобразие и реалии.

Фигуры «долгополых» и окружающие таштыкские гравировки

На двух плитах из Подкамня рассматриваемые фигуры показаны сами по себе, без сопутствующих изображений (рис. 11, 19). Пожалуй, то же можно сказать о гравировке с Барбаковых гор, т.к. изображение «корабля» вряд ли можно расценивать как изначально связанное с человеческими фигурами. В других сценах Подкамня и Ошкольской писаницы они расположены рядом или пересекаются с типичными таштыкскими гравировками (рис. 5, 13, 25) [Панкова, 2012, рис. 8; прорисовки 2 и 3]. На основании полевых наблюдений автор не сомневается в таштыкской принадлежности длиннополых фигур Подкамня и Ошколя, в частности, опираясь на случай перекрывания одной из них изображением животного в таштыкском стиле – описанной выше сцены на камне кургана 9 (рис. 5). К противоположному выводу, однако, пришел Н.И. Рыбаков, считающий ошибочным отнесение к таштыкскому времени фигур на исследованных им других памятниках. По его мнению, их большая часть представляет «многослойные графические конфигурации» [Рыбаков, 2007а, с. 78]: «...обводке были подвергнуты разновременные слои – таштыкский и средневековый, и таким образом объединены в один хронологический пласт» [Рыбаков, 2007в, с. 141].

Факт подновления многих резных фигур на таштыкских писаницах отмечен Н.И. Рыбаковым совершенно справедливо, однако значительное число изображений не подвергалось обводке и сохранило первоначальные линии и очертания. Рассмотрим соотношение «долгополых» с «типичными» таштыкскими фигурами, когда те и другие размещены на одной плоскости.

На эрмитажной плите (рис. 25) «долгополые» размещены поблизости от фигуры воина, которого вполне можно отнести к числу таштыкских изображений, но не пересекаются с ним. Последовательность нанесения этих фигур и их сюжетное соотношение определить трудно.

В композиции с быками на Подкамне (рис. 13, 1) единственное изображение такого персонажа пересекается с фигурой лучника с резко очерченным профилем и торчащими на темени волосами. Установить, какая из фигур нанесена раньше или позднее, не удастся: поверхность камня сильно выветрена и тонкие резные линии сглажены. Фигуры размещены в стороне от основной композиции с быками, их соотношение с этой сценой неясно. Нет никаких принципиальных моментов, позволяющих считать обе фигуры нанесенными позднее основной таштыкской композиции.

Уже описана сцена на плите кургана 9 Подкамня, где две фрагментарные фигуры «долгополых» пересекаются с фигурой животного, поташтыкски бегущего рысью (рис. 5). В местах пересечения изображений линий очень много, они не всегда образуют замкнутые контуры, позволяющие четко очертить фигуры. Последние вряд ли подвергались подновлениям, все линии одинаково выветрены, последовательность их нанесения не ясна. Гравировка расположена у самой земли, спрятана в траве и исполнена такими тончайшими линиями, что еле видна. Трудно сказать, как изменился ее вид за многие столетия, и все же маловероятно, чтобы к более ранней фигуре копытного пририсовали более поздние фигуры «долгополых»: скорее, они были выполнены одновременно.

Итак, на Подкамне фигуры в длиннополых одеяниях встречаются или сами по себе, или вместе с таштыкскими изображениями, что справедливо и для других памятников. На грани 1 Ошкольской писаницы их схематичные фигуры расположены вперемежку с таштыкскими изображениями животных и лучников. Фигуры расположены свободно, перекрываний нет; сюжетное взаимодействие загадочных персонажей с лучниками и животными не фиксируется; те и другие явно подновлены. Ничто не противоречит одновременному нанесению «долгополых» и «типично таштыкских» фигур, тем более, учитывая названные примеры соседства тех и других на Подкамне. Впрочем, доказать их одновременное исполнение, принадлежность одной композиции сейчас вряд ли возможно.

На грани 3 Ошкольской писаницы маленькая длиннополая фигурка расположена в стороне от крупных центральных изображений всадников и окружающих их копытных [Панкова, 2012, прорисовка 1]. На грани 4, крупнейшей

на памятнике, «долгополые» размещены среди типичных таштыкских фигур, те и другие вырезаны идентично [Там же, прорисовка 3]. Особенности гравировок этой плоскости в неравномерном размещении фигур: на одних участках они буквально нанесены друг на друга, тогда как другие участки оставлены «белыми пятнами». Сильная разрушенность плоскости не позволяет в полной мере оценить эту особенность. «Долгополые», где они есть, вписаны в те же участки «повышенной плотности», на незаполненных фрагментах их нет. Эти фигуры мелкие и крупные, схематичные и детальные – разные. Так же и лучники, и животные ошкольской плоскости отличаются размерами и степенью проработки деталей. Невозможно уверенно говорить о том, что все фигуры грани выполнены одновременно, однако вполне вероятно, что и воины, и животные, и «долгополые» вырезались в течение относительно небольшого промежутка времени, во всяком случае, в пределах существования таштыкской традиции.

В композиции на горе Барстаг, по описанию Н.И. Рыбакова, персонажи в длиннополых одеждах нанесены поверх таштыкских (по стилю) фигур животного и человека, составляющих нижний слой палимпсеста [Рыбаков 2007б, с. 680, рис. 1]. Сам по себе факт палимпсеста и выборочное подновление «долгополых» не дают оснований считать их значительно более молодыми, чем таштыкские фигуры. Впрочем, до личного знакомства с гравировкой определенно судить о ее особенностях невозможно.

Таким образом, на могильнике Подкамень и Ошкольской писанице, лично осмотренных автором, изображения фигур в длиннополых одеждах явно тяготеют к таштыкским гравировкам, при этом каких-либо свидетельств их более позднего исполнения нет. При отсутствии подновления линии тех и других выглядят идентично. В не подвергавшейся подновлению малозаметной сцене на кургане 9 Подкамня таштыкская фигура животного пересекается с изображениями «долгополых». Все это позволяет относить эти фигуры к числу изображений таштыкского времени.

Художественное своеобразие фигур в длиннополых одеждах

Фигуры «долгополых» явно отличаются от заведомо таштыкских изображений – конных

и пеших охотников и воинов, показанных в движении, одетых в короткие приталенные одежды. Длинные закрытые костюмы этих персонажей, скрывающие их руки и ноги, предполагают статичность, противоречащую динамичному облику животных и воинов таштыкских гравировок. Из-за специфики костюма июсские фигуры лишены одной из основных особенностей таштыкского стиля, при которой конечности животных как бы смещены в одну плоскость, а руки и ноги людей вскинуты или сдвинуты по отношению друг к другу и к телу. И все же разворот тела большинства «долгополых» (профиль-анфас-профиль), а на Подкамне – проработка профиля лица, пластичность линий и связанная с ними общая выразительность фигур роднит их со многими другими, характерными изображениями в таштыкском стиле. Динамизм есть там, где нужно было передать движение – в сценах охоты, сражений, погони. Но «долгополые», судя по их одеждам, представляли совсем не охотников и не воинов, в их случае подразумевалось совершенно иное действие – медленное шествие. Здесь отсутствие динамизма – не противоречие принципам таштыкского стиля, а выражение другой идеи.

Таким образом, художественные особенности этих непонятных фигур на Подкамне и Ош-

кольской писанице не противоречат их включению в репертуар таштыкских образов. Из их числа выделяются лишь фигуры на горе Барстаг, исполненные в профиль, но присутствие у них ряда реалий, характерных для облика остальных «долгополых», позволяют, видимо, не придавать этому отличию решающего значения.

Реалии, связанные с загадочными персонажами

Реалии «долгополых» включают элементы костюма – головной убор и прическу, одеяние и подвески, а также сопутствующие предметы – диагонально расположенные у плеча «жезлы». В приведенный список не включены упомянутые И.Л. Кызласовым булавки из причесок «китайских невест» Подкамня [Кызласов, 2001, с. 156], т.к. их присутствие в изображениях сомнительно. Вокруг одной из приведенных И.Л. Кызласовым фигур много хаотичных резных линий, в том числе в области головы, но что-либо, напоминающее булавки, у этой и других фигур отсутствует (рис. 25). На гравировках, ставших известными в последние годы, булавок тоже нет.

Головные уборы и прически

Головные уборы и прически длиннополых фигур Подкамня смотрятся единообразно, хотя, к сожалению, они изображены все же недостаточно детально для несомненного определения их облика и конструкции. Все изображения включают высокое закругленное сверху «навершие» на темени, одну или пару дуг на затылке, округлую деталь в основании «дуг» и спускающиеся к подбородку вертикальные линии – видимо, завязки (рис. 5, 11, 19, 25). Навершие и «дуги» читаются также в ошкольских «сапожках» [Панкова, 2012, рис. 8, прорисовка 3]. У наиболее подробных фигур Ошколя головные уборы немного иные: у одной из них отсутствует «навершие», у другой щеки закрыты крупными лопастями-ушками, завязок нет (рис. 34). Подобные ушки, вероятно, показаны и на фигурах с горы Барстаг. «Дуги» на затылке здесь опускаются ниже плеч и смотрятся как отдельные ленты, в отличие от «дуг» на Подкамне, как будто очерчивающих прически (рис. 35, 4). Если последняя особенность может отражать авторскую манеру изображения конкретной детали убранства головы, то «ушки», возможно, отражают еще один вариант головных уборов «долгополых». Впрочем, до личного знакомства автора с фигурами Барста-

Рис. 33. Изображения головных уборов тунтяньгуань (?) в памятниках VI в.: 1 – рельеф с изображением жертвователей, Сычуань (по: [Эстампы, 1958]); 2 – фрагменты композиции с погребального саркофага сабао Виркака, Сиань (по: [de la Vaissière, 2005])

га судить об этом трудно. Далее лишь «вариант», характерный для Подкамня, будет рассмотрен с точки зрения его вероятных аналогий.

Именно головные уборы подкаменских фигур, наряду с их длинными одеяниями, позволили О. Менхен-Хельфену сопоставить их с изображениями манихейских *electi* из монастыря в Хочо IX–XI вв.¹⁰ На сегодняшний день, это, пожалуй, по-прежнему ближайшая аналогия июским гравировкам, тем более что многие турфанские изображения исполнены достаточно детально, чтобы судить о самой конструкции, а не сравнивать только общие контуры. В манихейских изображениях Турфана мужские головные уборы переданы немного по-разному в разных памятниках, однако их единая конструкция не вызывает сомнений. В росписях и на бумажных свитках они показаны как высокие, изогнутые в виде «мостика» «навершия», закрепленные на небольшом околыше, и потому как будто суженные внизу и расширяющиеся кверху. Они держатся на тмени с помощью завязок, проходящих спереди от ушей и спускающихся под подбородок. Именно эти изображения наиболее близки июским гравировкам (рис. 32, 5, 7–8). В миниатюрах головные уборы *electi* выглядят как равномерно широкие шапки (рис. 32, 6). По всем названным признакам те и другие идентифицируются как китайские *тунтяньгуань*, причем достаточно уверенно, что и было отмечено ранее [Литвинский, 2000, с. 292; Панкова, 2000, с. 230]. Эти головные уборы известны по изобразительным памятникам Китая и упоминаниям в письменных источниках с позднечаньского времени (II в. н.э.) до конца Юаньского периода, к которому относится редкая находка *тунтяньгуань* в погребении. Они состояли из околыша с закрепленными на нем прутиками, изгибающимися назад, над узлом волос, в виде мостика, на который натягивалась тонкая ткань типа газа [Сычев Л., Сычев В., 1975, с. 56–57]. Обязательной принадлежностью головных уборов типа *гуань* являлись завязки под подбородком [Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 148]. Изначально *тунтяньгуань* был светским головным убором императора, однако на исходе ханьского времени, дополненный съемным ритуальным навесом *янь*, он стал использоваться также для церемоний жертвоприношений

[Сычев Л., Сычев В., 1975, с. 56–57]. Головной убор императора был лишь одной из разновидностей «шапки» *гуань* – официального украшения головы, имеющего ритуальное или иерархическое значение: количество прутиков, составлявших его каркас, соответствовало рангу носителя [Там же].

Наиболее ранние детальные изображения *тунтяньгуань* запечатлены на свитках Гу Кай-Чжи, знаменитого китайского художника конца IV – начала V в. (рис. 32, 3), хотя известны еще более древние, но и более условные его изображения (рис. 32, 4). Данных о *тунтяньгуань* в более поздний период, судя по информации Сычевых, недостаточно, однако начиная с VIII–X вв. они снова «появляются» в изображениях и текстах, причем достаточно представительно [Сычев Л., Сычев В., 1975, с. 58–59]. В центральном Китае *тунтяньгуань* по-прежнему описываются и изображаются в связи с фигурой императора. В памятниках Восточного Туркестана (Ярхото, Кумтура) они показаны на головах легендарных правителей в сценах буддийского содержания [Härtel, Yaldiz, 1987, № 40, 59]. Как было сказано, с IX в. головной убор *тунтяньгуань* фиксируется в манихейских изобразительных памятниках из Турфана, более того, он почитается как атрибут манихейской веры: в ряде книжных миниатюр этот головной убор изображен на верхушке картуша с надписью манихейского содержания, поддерживаемого двумя небожителями (рис. 32, 5). Именно эти поздние сохранившиеся изображения *тунтяньгуань* дают наибольшее представление об этих головных уборах, в силу численного преобладания и детальности исполнения. Поэтому именно с ними в первую очередь и приходится сравнивать июские изображения, несмотря на значительную разницу в датах.

Рис. 34. Подвески на фигурах Ошкольской писаницы

¹⁰ Их конфессиональная принадлежность идентифицируется благодаря сопутствующим надписям или принадлежностью к книгам манихейского содержания [Gulácsi, 2001]

Определенная условность минусинских фигур, безусловно, затрудняет их сравнение с туркестанскими. К чертам сходства, объединяющим головные уборы тех и других, относятся следующие особенности (от более общих к более частным) (рис. 32):

1–2. Общий силуэт и место расположения: помещенное на темени устремленное вверх «навершие» с узким основанием и расширяющейся закругленной верхней частью (рис. 5, 6, 12, 18, 20, 21, 27). Этими особенностями обладают все рассматриваемые фигуры, только у наиболее схематичных профиль «навершия» сглажен.

3. Линии внутри «навершия», позволяющие трактовать его конструкцию как «мостик» (рис. 6; 19, 2; 20).

4. Полоса-околыш в основании «навершия». Эту особенность можно заметить у двух фигур из Подкамня (рис. 21, 27), а также у персонажа с горы Барстаг (рис. 35, 4).

5. Завязки, спускающиеся спереди от ушей, хорошо читаются у большинства фигур с Подкамня (рис. 12, 18, 20, 21, 27), хотя и не доходят до подбородка.

Что отличает июсские и турфанские фигуры в плане оформления головы? Практически у всех минусинских фигур имеется деталь в виде крутой дуги на затылке – одинарной или двойной, иногда с «роликом» в основании, не находящая аналогий среди известных изображений *тунтяньгуань*. На Барстаге «дуги» показаны скорее как ленты, а на схематичных фигурах Ошколя и Барбаковых гор они практически не выделены.

Черты сходства между специфичными *тунтяньгуань* и июсскими головными уборами предполагают, что те и другие могли быть каким-то образом связаны. При этом имеющиеся отличия не позволяют, безусловно, отождествлять те и другие¹¹. Однако детальный характер сходства заставляет задуматься о его возможных причинах.

Для начала отметим, что головной убор турфанских *electae*, по всей видимости, не был изначально и специфически манихейским, а был заимствован манихеями уже в Китае, где, как

было сказано, он использовался с ханьского времени. Дело в том, что в изобразительных памятниках Согда, откуда манихейство пришло в Синьцзян и Китай, и где известны, правда немногочисленные и иногда спорные манихейские изображения, ничего подобного головным уборам турфанских *electae* неизвестно [Лурье, 2013]. Значит, нет оснований связывать июсские загадочные фигуры именно с манихейским культом, тем более что изображения *тунтяньгуань* VIII–X вв. присутствуют и в изобразительных памятниках, отражающих буддистские сюжеты. Впрочем, и сюжеты, и терминология, и внешние проявления культа, включая атрибутику, часто оказываются одними и теми же для манихеев, несториан и буддистов Центральной Азии [Лурье, 2013; Foltz, 2000, p. 83–87]. Скорее, следует ориентироваться в целом на костюм китайской (ханьской) традиции. Признавая сходство и вероятную связь июсских изображений с *тунтяньгуань* (или, лучше сказать, головных уборов типа *гуань*), следует искать более ранние, близкие таштыкскому времени их изображения. Для этого, правда, необходимо неплохо знать искусство Китая этого периода, что до сих пор представляет для меня определенную сложность. Отмечу лишь два изобразительных памятника, в которых можно предполагать присутствие *тунтяньгуань*.

Первый – барельефная композиция VI в. из Сычуани, представляющая, по словам авторов русскоязычной публикации, «знатных дам, жертвующих буддийскому монастырю» (рис. 33, 1) [Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 204, рис. 43; Эстампы, 1958, рис. 24–26]. Один из главных персонажей барельефа показан в головном уборе, сопоставимом с *тунтяньгуань*: он расположен на темени (т.е. должен был иметь завязки для крепления), узкий в основании и расширяется кверху, где имеет изогнутые очертания, соответствующие прогибу ткани, натянутой между прутьями (ср. рис. 32, 7, а также [Gulácsi, 2001, fig. 69, 1, 3]). Отметим также, что у описанного персонажа угадывается борода (?), отличающая его от соседнего женского изображения. Женщина показана в другом головном уборе – в виде равномерного по ширине «тюрбана»¹². В отличие от турфанских

¹¹ Справедливости ради, следует отметить присутствие в местных таштыкских погребениях, правда более раннего времени (Оглагинский могильник), цилиндрических наосников [Вадецкая, 1999, с. 50–52], которые по своим размерам и положению на голове могли в общих чертах изображаться подобно наиболее условным головным уборам июсских фигур. Однако форма этих берестяных изделий все же не соответствует мягким, скругленным очертаниям большинства гравировок.

¹² Интересно, что подобные головные уборы характерны для женщин-*electae* турфанских изображений и описываются как платки, обернутые вокруг тюрбанообразных оснований [Gulácsi, 2001, fig. 81.1, 82, 84, 91].

клириков, трудно сказать, можно ли считать персонажей сычуаньского рельефа именно адептами какой-то религии, или это были просто светские «дарители». В любом случае, их головные уборы используются для совершения религиозных церемоний (что, собственно, и было характерно для *тунтяньгуань* в постханьский период).

Второй изобразительный памятник, возможно, представляющий рассматриваемые головные уборы, – барельефы найденного в Сиане каменного саркофага Виркака – знатного согдийца на китайской службе, умершего в 579 г. [De la Vaissière, 2005, pl. 1]. На одной из стенок саркофага представлена фигура проповедника в нимбе и группы его слушателей и адептов. Среди последних – три сидящие фигуры в длинных драпированных одеждах и высоких головных уборах [Там же, pl. 2, 2]. Первые два убора трехчастные, как будто разделенные на вертикальные доли, третий – конический (рис. 33, 2). Подробно рассмотревший сцены саркофага Э. Де ла Вэсьер отметил ряд сюжетов, которые могут быть прочитаны только как манихейские, в том числе и упомянутый проповедник с нехарактерной для буддистской иконографии приостренной бородой и жестом – как сам Мани. Размещенные здесь же фигуры в высоких «шапках» сопоставимы с турфанскими *electi*, а некоторые имеющиеся отличия могут объясняться разницей во времени этих памятников, составляющей четыре столетия [Там же, p. 360].

Манихейские «мотивы» сианьского саркофага оказываются первым и пока единственным свидетельством появления манихейства в Китае уже в третьей четверти VI в., то есть на столетие раньше, чем считалось ранее [Там же, p. 358]. Головные уборы с этого памятника действительно сопоставимы с турфанскими, хотя больше похожи на *тунтяньгуань* с книжных миниатюр, а не росписей, в отличие от июсских изображений. Не будь мы знакомы с конструкцией «классических» *тунтяньгуань*, узнать их на сианьском саркофаге было бы затруднительно. Однако, если действительно здесь представлены *electi* в *тунтяньгуань*, можно предполагать, что он был заимствован манихеями очень скоро после их обоснования в Китае.

Для наших июсских гравировок, однако, важно то, что характерные для них головные уборы действительно можно видеть в изобразительных памятниках Китая в интересующий нас промежуток времени – в VI в. Значит, они

не противоречат отнесению июсских гравировок к таштыкскому времени, а задают направление поиску аналогий. При этом вопрос о конфессиональной принадлежности июсских персонажей (если видеть в них представителей какого-то культа) стоит оставить открытым. Как видим, рассматриваемый головной убор, будучи глубоко традиционным и несомненно значимым в Китае, использовался различными существовавшими здесь конфессиональными группами.

Несторианские изобразительные памятники сохранились в меньшем числе, чем манихейские. Изображенные на них головные уборы, известные в росписях из Турфана и Дуньхуана VIII–IX вв., не похожи на шапки *гуань* [Grünwedel, 1912, fig. 677; Saeki, 1951, p. 409]. В контексте связи июсских головных уборов с *тунтяньгуань* версия о женской принадлежности этих фигур также выглядит неприемлемой, т.к. традиционно уборы типа «гуань» носились только мужчинами. Конечно, теоретически нельзя исключить, что в процессе вероятных заимствований элементов костюма и их переименования исходное ханьское правило могло быть отодвинуто на второй план. Однако женская принадлежность фигур, на мой взгляд, никак не читается в изображениях Подкамня и Ошколя и противоречит приводимым аналогиям. Речь может идти разве что о «пышных прическах» в виде «дуг» на затылке, но им пока не удастся найти убедительных аналогий. Длинные одеяния июсских фигур стоит рассмотреть отдельно.

Одеяния

Одежды июсских фигур, когда они показаны целиком, представляют собой длинные одеяния со «шлейфами», причем последние, видимо, были намеренно акцентированы мастером как одна из наиболее характерных черт изображаемых персонажей. Их руки никогда не показаны, но у отдельных фигур в средней части намечены парные дуговидные линии, передающие, скорее всего, складки широких рукавов, прячущих сложенные на груди руки (рис. 11–12; 35, 2). Аналогично показаны «рукава» на фигуре с плоскости Барбаковых гор [Рыбаков, 2005, рис. 3]. Возможно, они отражены и на гравировках с Ошкольской писаницы, прорисованных В.Ф. Капелько [Панкова, 2012, рис. 3, 2]. У многих фигур присутствуют вертикальные и горизонтальные линии – редкие или заполняющие все пространство одеяния, а на отдельных фигурах – поперечные каймы в нижней его трети, заштрихованные поперек или

крест-накрест (рис. 32, 1–2; 34) [Панкова, 2012, рис. 13, 2]. Отличительная черта многих «долгополых» – дуговидные линии в верхней части груди, передающие, скорее всего, складки одежды у горловины (рис. 11–12, 25–26; 34). У двух наиболее подробных фигур Ошколя по одному боку проходит вертикальная заштрихованная кайма (рис. 34). У некоторых фигур Подкамня и Ошколя показаны выглядывающие из-под одеяния ноги (рис. 26).

Свободные одежды подкаменских и ошкольских фигур, наличие драпировок, в том числе у горловины, аналогичны тем же особенностям костюма турфанских манихеев, за исключением разве что «шлейфов», которые и не могли быть показаны у сидящих или сохранившихся лишь частично фигур елесті (рис. 32, 6–8). Длинные ниспадающие одежды с драпировкой отличают изображения китайских сановников в *тунтяньгуань* (рис. 32, 3). В то же время близким образом –

в длинном одеянии со складками, со спрятанными на груди руками, и даже в туфлях с надставками, характерными для китайского парадного убора, показана фигура монаха в несторианской росписи из Турфана (VIII–IX вв.) [Le Coq, 1913, taf. 7]. Все эти примеры свидетельствуют о возможном использовании одеяний китайского типа в различных конфессиональных группах Восточного Туркестана. Значит, подобные одежды не могут служить для конкретной атрибуции и наших персонажей. В целом, однако, и «шлейфы», и спрятанные на груди руки характерны для памятников разного времени именно китайского региона, где они отражали, вероятно, как реалии костюма, так и особенность иконографии. Сходные с китайскими одеяния июских фигур могут, вероятно, свидетельствовать об их определенной связи с названной традицией. Какая-либо конфессиональная привязка, однако, снова оказывается не-

Рис. 35. «Предметы у плеча» июских фигур и их возможные аналогии:

- 1, 3 – Подкамень; 2 – Ошколь; 4 – Барстаг; 5 – фрагмент шерстяной ткани из Лоуляня, кладб. LC (по: [Stein, 1928]); 6 – изображение на деревянной панели из Лоуляня (по: [The ancient culture, 2008]); 7 – изображение на бумаге: монах с мухоголкой (X–XI вв.) (по: [Пещеры тысячи будд, 2008])

возможной. В условиях высокой миссионерской и торговой активности в появлении неких чужеземцев нет ничего удивительного.

Дополнительные детали

На некоторых июсских фигурах в длиннополых одеяниях показаны дополнительные детали, более всего напоминающие подвески, крепящиеся на уровне пояса. На сегодняшний день известно минимум шесть фигур с «подвесками»: две на верхнем ярусе Ошкольской писаницы (рис. 34), три на фигурах с горы Барстаг (рис. 35, 4) [Рыбаков, 2007а, рис. 1], одна или две из района Ошколя с прорисовки В.Ф. Капелько [Панкова, 2012, рис. 3, 2]. Кроме того, можно предполагать подвески на двух схематичных фигурах с нижнего яруса Ошкольской писаницы [Панкова, 2012, рис. 8, первая и третья слева фигуры]. На фигурах с плит могильника Подкамень подвесок нет. Во всех случаях изображено значительное число подвесок – от четырех до десяти. Их облик или способ передачи можно свести к трем вариантам.

1. Косо заштрихованные, как будто витые подвески с колечком на конце – 2 (рис. 34, 2; 35, 4). Из археологически известных материалов косо заштрихованные «витые» подвески напоминают железные миниатюрные звенья цепочек для подвешивания различных предметов, происходящие из таштыкских склепов и ряда близких по времени комплексов Саяно-Алтая и Приангарья [Вадецкая, 1999, с. 124–125; Николаев, 2000, с. 76–78].

2. Подвески, показанные одиночной линией, иногда с круглыми или фигурными завершениями – 4 (рис. 34, 1) [Панкова, 2012, рис. 3, 2; рис. 8: первая и третья слева фигуры]. П.П. Азбелев предложил видеть в них подвесные ремешки с пряжками определенных, известных в погребениях форм [2008, с. 462–463].

3. Схематично изображенные узкие вертикальные «скобы», расположенные вплотную одна к другой [Рыбаков, 2007, рис. 1].

У всех фигур с подвесками намечена линия пояса, к которому, вероятно, они и крепятся. Кроме того, у двух фигур показаны и другие детали – горизонтальная полоса с парой округлых выступов у одной, закрученные волюты с какими-то мелкими деталями – у другой (рис. 34). По мнению П.П. Азбелева, это вторые пояса, изображенные на фигурах помимо поясов с подвесками, что отражало «обычную практику у раннесредневековых народов горно-степных областей» [2008, с. 462]. Однозначное отождествление ошкольских деталей с таштыкской фигурой

на основании описанных изображений вряд ли возможно, но напрямую версии П.П. Азбелева ничто не противоречит.

Трудно сказать, как наличие поясов с подвесными ремешками согласуется с версией о «долгопольях» как чужеземцах, пришедших из зоны Китая – Синьцзяна с целью религиозной пропаганды. В период создания гравировок (до заимствования китайцами моды на пояса с подвесками в танское время), такие пояса скорее соотносятся с миром степей, и скорее со светскими лицами. Впрочем, этот вопрос требует дальнейшего изучения. Для более конкретной атрибуции персонажей в длиннополых одеждах все же требуются какие-то более специфичные особенности. Возможно, к их числу относятся загадочные предметы, показанные у плеча некоторых июсских фигур. Во всяком случае, это наша последняя надежда хоть как-то приблизиться к пониманию этих изображений.

Предметы у плеча «долгопольях»

Загадочные предметы у плеча присутствуют у четырех фигур Северной Хакасии – двух с Подкамня, одной с Ошкольской писаницы и с горы Барстаг (рис. 35, 1–4). На эрмитажной плите из Подкамня и в композиции Барстага они связаны с самыми крупными и детальными фигурами (рис. 25) [Рыбаков, 2007, рис. 1]. На другой плите из Подкамня, однако, такой предмет относится к одной из двух как будто равнозначных фигур (рис. 5, 1). Ошкольская фигурка схематична, как и все «долгополье» с этой плоскости, но у нее все же выделены «рукава» (рис. 35, 2) [Панкова, 2012, рис. 8]. Все «предметы» показаны диагонально у плеча, с той стороны, куда обращено лицо персонажа, т.е. по направлению его движения. Можно предполагать, что фигуры держат его перед собой, однако при отсутствии рук предмет оказывается как бы приставлен к плечу. Три «предмета» представляют собой стержень с навершием в виде фигуры, близкой восьмерке (в двух случаях) или подобной фигуре с тремя звеньями (рис. 35, 1, 3–4). В последнем случае навершие как бы перевивает стержень, а на Барстаге «восьмерка» отличается угловатыми очертаниями. На ошкольском схематичном изображении имеется только одна округлая лопасть (рис. 35, 2). В целом, однако, все «предметы» однотипны, различаясь количеством колец-звеньев и конкретным способом их изображения.

Трехчастный «жезл» из Подкамня (рис. 25–27) И.Р. Аспелин назвал «кадуцееобразным предметом» («Hermesstabartigen Gegenstand») [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 8], а О. Менхен-

Хельфен сравнил его с жезлом византийского архиепископа [1951, р. 326]. С.Г. Кляшторный интерпретировал это и ошкольское изображения как «древнехристианские рипиды» [1959, с. 167]. Н.И. Рыбаков сначала предположил в этих предметах музыкальные инструменты, затем настаивал на их определении как атрибутов буддийского и манихейского культов [2007а, с. 680–681]. В одной из последних работ в качестве аналогии им приведены изображения бодхисаттвы Маугдальянны с посохом странствующего монаха из Центрального Китая [Рыбаков, 2013, рис. 1]. «Предметы у плеча» сопоставлялись также с цветущими ветвями в руках прихожан и донаторов [Панкова, 2000, с. 230], а присутствие в изображительных памятниках Китая многочисленных вееров и опахал позволили поддержать упомянутую версию о «рипидах» [Панкова, 2002, с. 139].

В памятниках Центральной Азии и Китая известно значительное число различных «жезлов», хотя большинство из них относятся к более позднему времени, чем июсские гравировки. Среди них известны также отдельные изображения, близкие минусинским «предметам у плеча». Наиболее раннее из них (II–IV в. н.э.) представлено на фрагменте шерстяной ткани из погребения кладбища LC в Лоулане (рис. 35, 5) [Stein, 1928, vol. I, p. 224, vol. III, pl. XXX], хранящемся в Национальном музее г. Дели. Ткань, предположительно, имеет египетское происхождение и представляет фигуру Гермеса [Parlasca, 1980, abb. 7, s. 303–304].

Фрагмент предмета с восьмерковидным навершием (правда, обломанным в верхней части) вырезан на деревянной панели, обнаруженной экспедицией С. Гедина на городище Лоулань (рис. 35, 6). Предмет показан в руках фигуры с ушнишей, т.е. бодхисаттвы или будды. Расположенная рядом фрагментарная фигура, поменьше размером, как будто держит этот предмет за его лопасть-«восьмерку» [The ancient culture in Xinjiang, 2008, p. 29, fig. 12]. Лоулань был заброшен в начале V в. из-за наступления пустыни, соответственно найденный рельеф должен датироваться более ранним временем. Четыре подобных, но меньших по размеру рельефа и без интересующих нас «предметов» были найдены в развалинах буддийского храма в Ние [Legacy, 2000, p. 56]. Назначение предмета, вырезанного на лоуланьской панели, не понятно, ясно только, что в данном случае он связан с буддизмом.

Следующие близкие сибирским изображения, но гораздо более поздние, показаны на серии однотипных росписей по бумаге конца IX–XI вв., найденных в Дуньхуане. На каждой из них представлен буддийский монах с мухоголкой – атрибутом духовного учителя¹³ (рис. 35, 7) [Пещеры Тысячи будд, 2009, кат. 193; The Silk Road, 2004, p. 128, cat. 15]. В данном случае мухоголки представляют собой небольшие восьмерковидные лопасти на стержнях, обернутых длинной шерстью или волосом. Именно форма лопасти позволяет сопоставить их с сибирскими гравировками, однако более ранние изображения именно таких, восьмерковидных мухогонок мне не известны.

Наиболее простое из изображений «предметов у плеча» – ошкольское – сопоставимо с веерами и опахалами в изображительных памятниках Китая и Восточного Туркестана, имеющими вид круглых или овальных лопастей на стержне, соответствующих структуре пера. Именно такие опахала показаны на упомянутом уже рельефе из Сычуани с процессией жертвователей (рис. 33, 1).

Перечисленные параллели не могут, к сожалению, ответить на вопрос о назначении «предметов у плеча» южно-сибирских «долгополых». Все они, однако, имеют восточно-туркестанское и китайское происхождение, подобно аналогиям, приведенным для головного убора и одеяния июсских фигур. Очевидная связь двух из приведенных аналогий с буддийской символикой не позволяет отказаться от мысли о причастности июсских фигур к проявлениям миссионерской активности на севере центральноазиатского региона.

Однако обратим внимание на следующую особенность: все рассматриваемые предметы стандартно «приставлены» к плечу фигур и нигде не показано, что «долгополые» их держат. Стержни «предметов» даже не продолжают в направлении скрытых рук июсских персонажей. При этом фигуры с «предметом у плеча» происходят с трех разных памятников, изображения которых вряд ли были исполнены одним человеком. Значит, такая условность в передаче этих предметов вряд ли отражала лишь способ их передачи, выбранный

¹³ Мухоголка – предмет, имеющий принципиально важное значение для буддийской традиции, как в иконографии, так и в религиозном ритуале. Мухоголки служат для того, чтобы отгонять насекомых, не причиняя им вреда, поэтому мухоголка – символ ненасильственного распространения буддийского учения и послушного следования ему, атрибут буддийских иерархов, но также учеников будды и монахов [Духовная культура, 2010, с. 199].

конкретным художником. Напрашивается мысль о существовании некоего художественного приема, принятого для такого рода изображений. А это означало бы определенную разработанность композиций с «долгополыми», что противоречит версии об их эпизодическом появлении на севере Минусинских степей: скорее они могут отражать продолжительную практику таких «шестивий». Тогда, если верно представление о поясах с подвесками как принадлежностях «степного», местного комплекса социальной иерархии, можно предполагать, что эти «шестивия» осуществлялись уже осевшими в северных землях чужаками, «освоившими» значимую часть местной атрибутики, или даже самими таштыкцами.

При этом фигуры в длиннополых одеждах из северо-западной Хакасии безусловно имеют в своем облике элементы, находящие аналогии в культурах Китая и Восточного Туркестана и к ним восходящие. Назвать конкретный источник таких аналогий пока невозможно: в этих регионах упомянутые предметы-анalogии существовали в течение длительного времени и заимствовались друг у друга различными культурными группами. Таким образом, весь облик фигур в длиннополых одеждах можно оценить как достаточно эклектичный. Сложно сказать, что может приблизить к их разгадке. Возможно, это будут какие-то новые, пока неизвестные изображения. А может быть, находки в таштыкских склепах, расположенных в районе *присутствия* «долгополых» – этих пока не понятных для нас людей и их изображений, вырезанных на скалах и плитах.

Что может означать столь ограниченный район распространения таких гравировок? Почему они концентрируются только на северо-западе Минусинских степей? Долина р. Черный Июс расположена в пограничной зоне степной Хакасии и таежных отрогов Кузнецкого Алатау, фактически уже в предгорьях. Специфика этого района нашла отражение в особенностях исследованных здесь памятников других эпох. Наиболее показательные из них – Устинкинский могильник эпохи поздней бронзы, в материалах которого явно прослеживаются черты западносибирских культур лесной полосы [Савинов, Бобров, 1983, с. 52], а также горные укрепления (*све*). По мнению исследователей *све*, их наибольшая концентрация в долинах Июсов свидетельствует о стратегической значимости этого района, по крайней мере, в эпоху бронзы [Кызласов, 1963, с. 160–161; Кириллова, Подольский, 2006, с. 130]. Именно эта

часть Хакасии примыкает к лесостепному «коридору», бывшему долгое время единственным доступным проходом в Минусинскую котловину, закрытую со всех сторон труднопроходимыми горами: только здесь можно было достичь заповедных минусинских земель пешком или на повозках [Вадецкая, 1986, с. 4]. Сложно сказать, работал ли этот фактор на пороге средневековья, когда были созданы гравировки Подкамня: условия караванных путей, преодолеваемых послами, торговцами, миссионерами, никогда не были легкими [Шефер, 1981, с. 28]. Трудный путь через Саянские перевалы на юге и юго-западе Минусинской котловины был вполне вероятным для тех, кто стремился попасть в Минусинскую котловину, но они могли выбрать и западный обходной маршрут. Концентрация «долгополых» вблизи этого «входа» в окруженную горами котловину косвенно может свидетельствовать в пользу их пришлого характера.

Средоточие изображений в районе Подкамня могло определяться и местоположением переправы. Именно здесь, у д. Подкамень, сегодня существует единственный мост через р. Черный Июс. Скорее всего, переправа здесь располагалась и ранее: и экспедиция И.Р. Аспелина в 1887 г., и экспедиция Д.Г. Мессершмидта в 1722 г., и с большой вероятностью Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин в 1739 г.¹⁴ шли тем же путем [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 1–8; Вадецкая, 1973, с. 97–98; Messerschmidt, 1962, s. 240]. Именно здесь проходит дорога из Ачинско-Мариинской лесостепи, открытой к югу и западу, в степные районы центральной Хакасии: к западу от этого пути – тайга и горы, к востоку – полноводный Чулым и заболоченные низины долины Белого Июса.

По сообщению Гардизи, в IX–X вв. каганская ставка кыргызов располагалась «в семи днях пути к северу от Когменских гор» – видимо, где-то на Белом Июсе [Потапов, 1957, с. 15–16]¹⁵. Эта ситуация могла сохраняться

¹⁴ Они видели и вновь зарисовали статую Хозан Хыс, ранее зарисованную художником экспедиции Д.Г. Мессершмидта и находившуюся, по данным В.Я. Бутанаева, в устье ручья Чаланчуд – правого притока р. Черный Июс около у. Подкамень [Бутанаев, 1995, с. 172].

¹⁵ Л.Р. Кызласов предполагает ее связь с т.н. киргизским каменным городком при слиянии Черного и Белого Июсов, в котором часто отсиживались хакасские князья во время походов красноярских и томских служилых людей, упоминаемым в различных документах XVII в. [Кызласов, 1963, с. 161–162]. О реальности существования «городка» высказаны противоположные версии [Добжанский, 2007, с. 84; Скобелев 2010, с. 93–94], С.Г. Скобелев предполагает его местонахождение на горе Первый Сундук [Там же].

и позднее: в XVI–XVII вв. долины Июсов и Чулыма были основной территорией кочевания енисейских кыргызов, тогда как остальная часть современной Хакасии и прилегающих правобережных районов была населена малочисленными, различными по этническому составу племенами, находившимися в ясной зависимости от кыргызов [Там же]. Если спроецировать это положение на таштыкское время, то будет объяснимо присутствие в этом районе как иноземцев – торговцев, послов, проповедников, так и «особой социальной группы» таштыкцев. Вопрос в том, можно ли проецировать. Так или иначе, кого изображали фигуры в длиннополых одеяниях, и почему они обнаружены только на северо-западе таштыкского ареала, пока остается загадкой.

Изображения фигур в длиннополых одеждах отсутствуют на деревянных плакетках из склепов, при всем многообразии представленных на них персонажей. Можно предполагать, что в отличие от миниатюр наскальные изображения фигур в длиннополых одеждах скорее отражали какие-то современные резчикам события. Запечатленные на скалах и курганных камнях «долгополые» – это, скорее, реально виденные мастерами лица, а не герои преданий и эпоса, представляющие картины прошлого, запечатленные на миниатюрах.

Литература

Адрианов А.В. Отчет по исследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. – СПб., 1910. – Вып. 10. – С. 41–53.

Азбелев П.П. Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ. – 2008. – Серия 12. – Вып. 4. – С. 461–469.

Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – 267 с.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. – Вып. 6. – Кемерово, 1973. – С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

Добжанский В.Н. «Городки» енисейских кыргызов в XVII в.: историографический миф или историческая реальность? // Археология, этнография, антропология

Евразии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – № 4. – С. 81–90.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – Т.6 (дополнительный): Искусство. – М.: Восточная лит-ра, 2010. – 1031 с.

Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Кызыл-хая на севере Хакасии // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис-Принт, 2006. – С. 130–145.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 5. – С. 162–169.

Ковалёв А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 138–180.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 327 с.

Кызласов И.Л. О свадебном наряде средневековых хакасок // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Материалы III междунар. археол. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2001. – Т. 1. – С. 152–168.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. – 198 с.

Кызласов Л.Р. Хакасская экспедиция МГУ 1959 г. (предварительное сообщение) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1963. – Вып. IX. – С. 156–164.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник МГУ. – Серия 8. – История. – 1998. – № 3. – С. 8–35.

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. – 1999. – № 2. – С. 181–206.

Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 13–217.

Литвинский Б.А., Смагина Б.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. – М.: Наука, 1992.

Лурье П.Б. О следах манихейства в Средней Азии (в том числе в древнем Пенджикенте?) // Согдийцы дома и на чужбине. Материалы конференции памяти Б.И. Маршака. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. – (Труды Государственного Эрмитажа) (в печати).

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202. – (Труды САИПИ; Вып. IX).

- Никитин А.Б.** Христианство в Центральной Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М.: Наука, 1984. – С. 121–137.
- Николаев Н.Н.** Поясные наборы могильника Кокзель // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб., 2000. – С. 70–85.
- Панкова С.В.** Наскальные изображения представителей неизвестного культа на севере Хакасии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 229–232.
- Панкова С.В.** К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 135–140.
- Панкова С.В.** Таштыкские гравировки на севере Хакасии // АО 2003 г. – М.: Наука, 2004. – С. 454–455.
- Панкова С.В.** Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 г. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – С. 74–84.
- Панкова С.В.** Ошккольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.: Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 76–96. – (Труды САИПИ; Вып. IX).
- Панкова С.В., Архипов В.Н.** Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 год. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 36–47.
- Пещеры тысячи Будд:** Российские экспедиции на Шелковом пути: К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 408 с.
- Потапов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1957. – 308 с.
- Русакова И.Д.** Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у дер. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 101–112.
- Рыбаков Н.И.** К вопросу существования северной ветви манихейства на Енисее. Элементы символики // Социогенез в Северной Азии. – Ч. 1. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 298–303.
- Рыбаков Н.И.** Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений... (вопросы северного манихейства) // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 3. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007а. – С. 78–83.
- Рыбаков Н.И.** Носители ваджр. По следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887–1889 гг.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007б. – С. 678–683.
- Рыбаков Н.И.** «Процессия» – памятник согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Сборник научных трудов. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. III. – С. 135–159.
- Рыбаков Н.И.** Бодхисаттва Маудгальяна в Июских петроглифах // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. – Вып. 5 (17). – С. 3–5.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 34–71.
- Скобелев С.Г.** «Городки» енисейских кыргызов в русских сообщениях XVII в. и археологическая реальность // Археология, этнография, антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. – №3. – С. 92–98.
- Сосновский Г.П.** О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. – М.: ГАИМК, 1933. – №7–8. – С. 34–41.
- Сычѳв Л.П., Сычѳв В.Л.** Китайский костюм. Символика. История (Трактовка в литературе и искусстве). – М.: Наука, 1975. – 132 с.
- Чугунов К.В.** Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмурского стиля) // Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дѳвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 53–69.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Эстампы пещерных скульптур периода Северная Вэй.** Сост. Юй Си-нин, Лю Цзя-цзы. – Пекин, 1958. – 56 с. (на кит яз.).
- Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelin's Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors, 1931. – 72 p.
- Aspelin J.-R.** Types de peuples de l'ancienne Asie Centrale // Souvenir de l'Enissei. – Le 20 (8) Janvier 1890. – Helsingfors, 1890. – P. 3–14.
- Brinker H., Göpper R.** Kunstshätze aus China. 5000 v. Chr. Bis 900 n. Chr. Neuere archäologische Funde aus der Volksrepublik China. – Zurich, 1980. – 370 p.
- De la Vaissière É.** Mani en Chine au VIe siècle // Journal Asiatique. – T. 293. – № 1. – Paris: Societe Asiatique, 2005. – P. 357–378.

Erdy M. Manichaeans, nestorians, or bird costumed humans in their relation to hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei valley // *Eurasien Studies Yearbook. Eurologia*. – 1996. – №68. – P. 45–95.

Legacy of the Desert King: Textiles and Treasures Excavated at Niya on the Silk Road. – Hangzhou, 2000.

Foltz R.C. Religions of the silk road. Overland trade and cultural exchange from Antiquity to the fifteenth century. – New-York: St.Martin's Press, 1999.

Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über Archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. – Berlin: Georg Reimer, 1912. – 370 s.

Gulàcsi Z. Manichaeian art in Berlin collections. – Brepols, 2001. – 283 p. – (Corpus Fontium Manichaeorum. Series Archaeologica et Iconographica; Vol. I).

Härtel H., Yaldiz M. Die Seidenstrasse. Malereien und Plastiken aus buddhistischen Höhlentempeln (Aus der Sammlung des Museums für Indische Kunst Berlin). – 1987. – 179 p.

Knüppel M. Noch einmal zur Frage des Manichäismus in Sibirien // *Gnostica et Manichaica*. Festschrift für Alois van Tongerlo. Herausgegeben von M. Knüppel und L. Cirillo. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. – S. 55–62.

Le Coq A.V. Chotscho. Facsimile-Wiedergaben der wichtigsten Funde der ersten königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan. – Berlin, 1973.

München-Helfen O. Manichaeans in Siberia // *Semitic and Oriental studies*. University of California publications in Semitic philology. – 1951. – Vol. XI. – P. 311–326.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1724. – Teil I. – Berlin, 1962.

Parlasca C. Griechisches und Römisches im Alten China // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. – Vol. 2. – München: Beckische Verlagsbuchhandlung, 1980. – S. 297–308.

Saeki P.Y. The Nestorian documents and relicts in China. – Tokyo: The Maruzen company LTD, 1951.

The ancient culture in Xinjiang along the silk road. – Urumchi, 2008. – 304 p.

The Silk Road. Trade, Travel, War and Faith. – London: The British Library, 2004.

Stein A. Innermost Asia. – London: Oxford University Press, 1928. – Vol. I–IV.

Tallgren A.M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // *ESA*. – Helsinki, 1933. – T.VIII. – P. 175–210.

PETROGLYPHS ON KURGAN FLAGSTONES OF BURIAL MOUND PODKAMEN IN NOTHERN KHAKASSIA

Pankova S.V.

In the article explored by the author in 2003 petroglyphs on flagstones of burial mound fences of the Tagar culture near village Podkamen are published. The most of them are carvings including unusual figures in long robes and with high headdresses. Such figures have been known since the late XIXth century but till the present they are a mystery though are found on several monuments of Nothern Khakassia. Their study history is considered. Their belonging to the Tashtyk art tradition is proved. Costumes and attributes are also analyzed for which analogies from China and Xinjiang are noted. Performed figures can be presumably considered as foreigners far from Siberian regions, bearers of foreign traditions or their descendants connected with trading and missionary activity in the Nothern part of Central Asia.

Key words: Central Asia, the Minusinsk basin, the Tashtyk culture, petroglyphs, carvings, a costume